

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

***СТАНИСЛАВ ПШИБЫШЕВСКИЙ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
РУБЕЖА XIX – XX ВВ.***

Выпускная квалификационная работа
по направлению подготовки 46.03.01 – *История*
образовательная программа бакалавриата *История*
профиль: *история западноевропейской и русской культуры*

Выполнила:
обучающаяся 4 курса
Минаева Александра Вадимовна

Научный руководитель
к.ф.н., доцент
Шелаева Алла Александровна

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Оглавление	2
Введение	3
Глава I. Историография	7
Глава II. Личность и творчество Станислава Пшибышевского	12
§ 1. Биография	12
§ 2. Основные философские концепции творчества Пшибышевского	17
§ 2.1. Пшибышевский и Ницше.....	19
§ 2.2. Особенности творческих взглядов Пшибышевского на примере новеллы «Заупокойная месса»	21
Глава III. Влияние русской культуры на творчество Пшибышевского	26
§ 1. Роман «Дети Сатаны»	26
§ 2. Тексты «Бесов» Ф. М. Достоевского в романе «Дети Сатаны».....	31
Глава IV. Влияние творчества Пшибышевского на русскую культуру рубежа веков.....	38
§ 1. Личность и творчество Пшибышевского глазами русских литературных деятелей конца XIX–начала XX в.	41
§ 2. Имя Пшибышевского в произведениях И. Бунина как маркер эпохи... 46	
Заключение.....	50
Список использованной литературы.....	54

Введение

Станислав Пшибышевский был немецко-польским литератором, слава которого в 1890-х–1910-х гг. распространялась по всей Европе с необычайной быстротой. Находясь почти у истоков модернистского течения в искусстве, он своим творчеством оставил след в формировании этого направления во многих европейских странах. В стороне от данного процесса не осталась и русская культура. Она не только впитывала новые веяния, но и воздействовала на них со своей стороны.

Изучение истоков, благодаря которым шло формирование и развитие отечественной культуры, позволяет глубже понять ее. Поэтому рассмотрение творчества и личности Станислава Пшибышевского в рамках контекста русской культуры рубежа XIX — XX вв. представляет большой интерес и не может потерять свою актуальность.

Значимость заявленной темы определяется ее междисциплинарным характером, впервые творчество Станислава Пшибышевского рассматривается в контексте развития русской культуры. Исследования в этом ракурсе проводились относительно поверхностно, особенно такое утверждение относится к изучению данного вопроса в России. По причине быстрой потери популярности, а потом и вовсе идеологического запрета на положительную оценку подобного творчества, имя Пшибышевского было забыто для русского общества.

Русскоязычных исследований по данной тематике крайне мало, серьезных крупных работ нет вовсе. Если и обращаются к Пшибышевскому, то скорее в контексте сторонней проблематики, не отталкиваясь непосредственно от феномена его личности. Переводов на русский язык некоторых произведений Пшибышевского вовсе нет (к примеру, его воспоминаний и позднейших работ), также фактически не затронут

исследователями Пшибышевский как драматург. Таким образом, перспективы работы в русле данной тематики можно назвать широкими.

Цель данного исследования поставлена следующая: сформулировать основные положения, которые определяют место и значение личности и творчества Станислава Пшибышевского в контексте русской культуры рубежа XIX — XX вв.

Объектом исследования является непосредственно сложившийся в русском обществе образ Станислава Пшибышевского как личности и литератора.

Задач, которые необходимо решить в рамках вышеназванной цели, выделено несколько:

1) Рассмотреть, как к данной проблеме подходили предыдущие исследователи, какие они высказывали точки зрения;

2) Выяснить, в каких условиях формировалась личность Станислава Пшибышевского и каковы в итоге были главенствующие в его творчестве мотивы;

3) Определить связи, место и значение творчества Станислава Пшибышевского в контексте русской культуры конца XIX – начала XX вв. путем обращения непосредственно к его творчеству в контексте:

а. русского влияния на творчество Пшибышевского на примере рецензий в его текстах произведений Ф. М. Достоевского;

б. влияние творчества Пшибышевского на русскую культуру указанного периода на материале откликов творческой интеллигенции и использовании имени польского модерниста в произведениях, а именно в рассказах И. Бунина.

В процессе исследования были использованы следующие источники:

1) Издания произведений Пшибышевского, а также его воспоминания;

2) Академические собрания сочинений (А. Белого, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, И. Бунина, Ф. М. Достоевского, В. В. Маяковского), в которых опубликованы дневники, записные книжки и корреспонденция, так как именно они интересны с точки зрения анализа отношения русской интеллигенции заявленного периода к творчеству и личности Пшибышевского;

3) Критические статьи в журналах исследуемого периода («Новый путь», «Весы», «Русское богатство») и др.

Хронологические рамки исследования — 1890-е–1910-е гг., время активной литературной деятельности Пшибышевского, и столь же активный ответ на это публики. В этот период происходил расцвет русского модернизма, а вместе с тем и становление Пшибышевского как писателя и формирование его образа в рамках восприятия в дореволюционной России.

Для решения установленных задач были применены следующие методы: биографический, сравнительный, культурно-исторический, сравнительно-исторический метод, а также анализ и интерпретация.

Работа в своей основе опирается на монографию А. Москвина, диссертации А. И. Баранова, М. Джонсона (докторские), И. Шведе (кандидатская); издания по истории польской литературы, выпущенные в разные исторические периоды (В. Б. Оболевича, В. М. Толмачёва, В. А. Хорева, К. И. Храневича, А. И. Яцимирского и др.), а также на целый ряд научных статей на английском, польском и русском языках и электронные ресурсы.

Помимо вышеназванных хронологических границ, исследование имеет языковые и тематические рамки. Пшибышевский был не только главой «Молодой Польши», но и одним из весомых фигур берлинско-норвежских богемных кругов, и его произведениями зачитывались и в немецких землях. Существует обширный пласт германоязычных трудов по литературному наследию Пшибышевского.

Кроме того, польский литератор был не только писателем, но и драматургом, пьесы которого привлекали внимание публики, успешно ставились на российских сценах и активно обсуждались.

В данном исследовании оба названных аспекта выходят за рамки интересующей темы и заслуживают отдельного, серьезного изучения — по этой причине они и не затронуты.

Глава I. Историография

«Jestem tylko meteorem» («Я — всего лишь комета»), — писал Станислав Пшибышевский — такова и эпитафия на его могиле. Он оказал значительное влияние на культуры целого ряда стран, но ему не было суждено закрепиться в широкой памяти общества в последующее время.

Сразу после смерти Пшибышевского, в 1927 г., полонист и историк литературы Юлиан Кржижановский анализировал причины столь скорого угасания интереса к Пшибышевскому. Кржижановский отмечал¹ однообразность и повторяемость одной и той же идеи в произведениях польского писателя. Это и является, по его мнению, причиной скорой потери поклонников и исчезновения имени Пшибышевского из интеллектуальных кругов второго десятилетия XX в. и далее.

Творчество Пшибышевского было провокационным, и мнение современников разделилось на две противоположные точки зрения. Тех, кто видел в произведении Пшибышевского новое, прогрессивное движение в искусстве и тех, кто замечал лишь страсть к разврату и извращенности сознания. Утверждение о неизбежной конфронтации отношения к творчеству Пшибышевского высказывалось уже современниками писателя².

Основу исследований о влиянии Пшибышевского на русскую литературу и культуру заложил Павел Эттингер в краткой статье «Пшибышевский в русской литературе»³. Он утверждал, что для российских интеллектуалов, связанных с новым литературным движением модернизма, романы Пшибышевского были воплощением базовых принципов этого течения, и они вчитывались в них как в образцы современного творчества, достойные подражания.

¹ Krzyżanowski J. Stanisław Przybyszewski. // The Slavonic Review. 1927. Vol. 6, № 17. P. 421.

² Ibid. P. 420

³ Ettinger, P. Przbyszewski w literaturze rosyjskiej // Wiadomości Literackie. 1926. № 21. S. 3.

Изучение связей и влияния между произведениями и личностью Пшибышевского и русской культурой постепенно угасло вследствие изменений, которые внесли революция и установление советской власти в России.

Советская историография была регламентирована идеологией и обусловлена резким неприятием модернизма в искусстве. Прослеживается резкий упадок возможности, а следовательно, интереса и качества исследования творчества Пшибышевского.

В. Б. Оболевич⁴ давал типичную для советского времени оценку творчества Станислава Пшибышевского. Пшибышевский, как глава польских декадентов, осуждался. Его произведения рассматривались исключительно как низкоморальные. Философия индивидуализма представлялась буржуазной и противопоставлялась пролетарской, транслируемой писателями-реалистами. Являясь порождением «человеконенавистнической философии Ницше, Бергсона и Шопенгауэра»⁵, она антидемократическая и антисоциальная. То же мнение высказывали авторы «Истории польской литературы»⁶.

Как любому представителю индивидуалистического, буржуазного искусства, советская история зарубежной литературы, как и история литературы в Польской народной республике, отказывала Пшибышевскому в праве на влияние на русскую культуру и культуру вообще.

На излете советской системы Е. З. Цыбенко в ряде своих статей⁷ высказала мнение о том, что популярность и влияние Пшибышевского в русской культуре можно объяснить тем, что произведения польского модерниста отвечали внутренним философским исканиям российских

⁴ Оболевич В. Б. История польской литературы. Л., 1960. С. 261–270.

⁵ Там же.

⁶ История польской литературы : в 2-х т. Т. 2. 1890–1944 гг. / ред. В. В. Витт. М., 1969. С. 3–17.

⁷ Русская и польская литература конца XIX — начала XX в. / Под ред. Е. З. Цыбенко, А. Г. Соколова. М., 1981. С. 246–247; Cybienko, H. Dyskusje o twórczości Stanisława Przybyszewskiego w Rosji // Słowianie w świecie antynorm Stanisława Przybyszewskiego / Pod red. Janaszek-Ivaničková H., Madany E. Wrocław, 1981. S. 121–144; Цыбенко Е. З. Станислав Пшибышевский и русская модернистская проза // Studia polonica. К 60-летию В. А. Хорева. М., 1992. С. 217–228.

интеллектуальных кругов. Пшибышевский и его творчество всего лишь пришлось к месту, но не являлось образцом или толчком к развитию для подобных течений русской культуры того времени.

На постсоветском пространстве интерес к Пшибышевскому постепенно возвращается, как в Польше, так и в России. Советское отношение к лидеру Молодой Польши оставлено в прошлом ⁸.

Польский исследователь А. Хутникевич ⁹ в 1994 г. объединил точки зрения П. Эттингера и Е. З. Цыбенко. По его мнению, в конце XIX – начале XX в. Пшибышевский имел сильное влияние на деятелей русской культуры, находивших в его творчестве образцы декадентского искусства, и в то же время стал популярен оттого, что его искания совпали во времени с собственными, похожими, философскими исканиями русской творческой интеллигенции.

Первой наиболее полной работой о Пшибышевском в контексте русской культуры стала кандидатская диссертация американской исследовательницы Ирены Шведе ¹⁰ в 1970 г. Она пришла к выводу, что положительные высказывания и попытки подражания польскому декаденту принадлежали русским деятелям культуры, склонным к модернизму, а все негативные высказывания — тем, кто был в оппозиции к этому течению. Того же мнения придерживалась позднее в своих статьях и Т. Агапкина ¹¹.

В 2007 г. был издан на польском языке труд А. Москвина «Stanisław Przybyszewski in Russian Culture at the End of the 19th and Beginning of the 20th Century» ¹². А. Москвин основное внимание уделил Пшибышевскому как драматургу, пьесы которого активно ставились в России, в том числе

⁸ Толмачёв В. М. Зарубежная литература конца XIX — начала XX века. М., 2003; Хорев В. А. Польская литература XX века. 1890–1990. М., 2009. С. 17–18; Лебеднова Д. А. «Młoda Polska»: художественная культура Польши рубежа XIX — XX веков // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2013. №4. С. 75–82.

⁹ Hutnikiewicz A. Młoda Polska. Warsaw, 1994. S. 22–29.

¹⁰ Szwede I. The Works of Stanisław Przybyszewski and Their Reception in Russia at the Beginning of the XX Century : Phil. Diss. Stanford University, 1984.

¹¹ Agapkina T. Rosyjskie kontakty Stanisława Przybyszewskiego // Stanisław Przybyszewski w 50-lecie zgonu pisarza / Pod red. Filipkowska H. Wrocław, 1982. P. 163–212.

¹² Moskwin A. Stanisław Przybyszewski w kulturze rosyjskiej końca XIX — początku XX wieku. Warszawa, 2007.

В. Комиссаржевской и В. Мейерхольдом. В докторской диссертации М. Джонсона отмечается ¹³, что монография А. Москвина имеет неточности и ряд спорных утверждений, но при этом эта монография является первым и по нынешний день единственным опубликованным обширным трудом о связях Пшибышевского и русской культуры.

Более изучен Пшибышевский как драматург, но эта тема выходит за рамки данного исследования. Так М. Джонсон в упомянутой докторской диссертации обращается к взаимодействию русского и польского декадентского искусства, присоединяясь ко мнению А. Хутникевича, но в необходимых американскому исследователю рамках интерпретации творчества Пшибышевского В. Мейерхольдом и В. Комиссаржевской.

Ряд исследователей прослеживали рецепции произведений Пшибышевского на творчество отдельных русских писателей. Отмечались рецептивная связь между польским писателем и М. А. Булгаковым ¹⁴, А. М. Ремизовым ¹⁵ и его женой, С. П. Ремизовой-Довгелло ¹⁶, Ф. Сологубом ¹⁷ и др. Но творчество Пшибышевского в этих статьях не было предметом серьезных исследований.

Еще один взгляд на польского модерниста и его связи с русской культурой — рецепции уже в его произведениях на творчество русских писателей, а именно Ф. М. Достоевского. Данной проблеме посвящена статья Ю. Горака «„Дети Сатаны“ Пшибышевского и Достоевский» ¹⁸. Исследователь не просто рассуждает о влиянии великого русского писателя на

¹³ Johnson M. On the paths of the soul: Stanisław Przybyszewski and the Russian stage. The cases of Vera Komissarzhevskaja and Vsevolod Meierkhol'd (1900–1910) : Ph.D. dissertation. University of Kansas, 2008. P. 22.

¹⁴ Астащенко Е. В. Проза С. Пшибышевского в архитектонике последнего романа М. Булгакова // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 6 (50). С. 181–198.

¹⁵ Блиц Н. Л. Польская «призма» в автобиографических рефлексиях А. М. Ремизова // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай. Матэрыялы Х міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 2011. С. 41–74; Блиц Н. Л. Ф. М. Достоевский в творчестве А. М. Ремизова: от подражания к пародированию // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. С. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2010. № 3. С. 7–10; Сетько О. Образы поляков в книге А. М. Ремизова «Иверень» // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 3. С. 292–302.

¹⁶ Сетько О. *Op. cit.*

¹⁷ Merrill, J. “Revealed” sources and hidden intertextual dialog in Sologub's *Pobeda smerti* // Russian Literature, Volume 59, Issue 1, 1 January, 2006. P. 113–134.

¹⁸ Горак Ю. «Дети Сатаны» Пшибышевского и Достоевский // О Достоевском. Сб. ст. Под ред. А. Л. Бема. Paris, 1986. С. 219–226.

произведение Пшибышевского, но склоняется к мнению, что написано оно было под сильнейшим впечатлением от «Бесов», чем и объясняется схожесть сюжета и наполнения.

Докторская диссертация 2011 г. А. И. Баранова «Ф. Достоевский и польская литература до 1918 г.»¹⁹ также затрагивает рассматриваемую тему. Рецензии Достоевского в работе у Пшибышевского подтверждаются не только в рамках «Детей Сатаны», но и в другом романе Пшибышевского, «Homo sapiens».

Современных переизданий литературных работ Пшибышевского почти что нет. В 1996 г. был издан рассказ «Синагога Сатаны»²⁰ в составе сборника «Демонология эпохи Возрождения (XVI — XVII вв.)». В нем использовался современный перевод С. Койранского с польского, выполненный специально для издания.

В 2002 г. вышло издание пьес и поэм Пшибышевского в прозе в сборнике под заголовком «Заупокойная месса», в котором используются еще дореволюционные переводы.

В русскоязычной среде изучением рассматриваемого писателя и его творческого наследия еще только предстоит широко заняться.

¹⁹ Баранов А. И. Ф. Достоевский и польская литература до 1918 г.: дис. ... д-р. фил. наук: 10.01.03. М., 2001.

²⁰ Пшибышевский С. Синагога сатаны // Демонология эпохи Возрождения (XVI — XVII вв.). М., 1996. С. 243–316.

Глава II. Личность и творчество Станислава Пшибышевского

§ 1. Биография

Станислав Феликс Пшибышевский (польск. Stanisław Feliks Przybyszewski) — видный польский деятель культуры конца XIX — начала XX вв. Поэт, писатель, драматург, последователь течения модернизма и пропагандист теории «искусства ради искусства» («sztuka dla sztuki»).

Пшибышевский родился 7 мая 1868 г. в селе Лоево (Lojewo) под Иновроцлавом (Inowrocław) в Куявии. В то время названная территория входила в состав Пруссии и носила название провинции Позен. Этот факт стоит учитывать при рассмотрении становления психологии и мировоззрения молодого писателя, так как в Пруссии шли процессы активного онемечивания польского населения.

Отец Пшибышевского, сельский школьный учитель Юзеф Пшибышевский (Józef Przybyszewski), был дважды женат. Вторым ребенком от его новой жены, Дороты (Dorota z Grabczewskich), как раз и был Станислав Пшибышевский. Всего семья состояла из восьмерых детей – четырех от первого брака и четырех от второго. Детство маленького Пшибышевского проходило на грани нищеты, что, по мнению А. И. Яцимирского, также повлияло на формирование мироощущения мальчика ²¹.

Несмотря на сложное финансовое положение, мать Пшибышевского стремилась окружить детей заботой, привить патриотические чувства, и гордость за свое польское происхождение. Дети росли в атмосфере любви и религиозного трепета. Каждое воскресенье Пшибышевские посещали церковь. Эмоции, пробужденные в чувствительном мальчике на мессах, оставались в его памяти надолго и находили отклик позднее в его творчестве.

²¹ Яцимирский А.И. Новейшая польская литература от восстания 1863 г. до наших дней. Т. II. СПб., 1908. С. 258.

В детстве Пшибышевский проявлял музыкальные способности. Мать, пианистка-самоучка ²², научила его азам игры на фортепьяно. Он много читал: Шекспира, польского философа и педагога Бронислава Трентовского, жития и проповеди святых и др. Самым ранним его проявлением склонности к написанию поэзии было стихотворение, сочиненное на 50-тилетний юбилей творческой деятельности польского писателя Юзефа Игнация Крашевского ²³.

В 1881 г., в 13 лет, Станислав Пшибышевский был принят в немецкую школу в Торуня. Подобный выбор был сделан для того, чтобы Пшибышевский выучил немецкий язык, что в Пруссии обязательно требовалось для успешной будущей карьеры. В школе он учился плохо, преимущественно уделял время чтению и подработке репетитором.

Отец был недоволен итогами обучения и в 1884 г. перевел сына в гимназию в Вонгровице (Wągrowiec). В этом учебном заведении Пшибышевский учился вплоть до 1889 г., до получения аттестата зрелости.

В гимназии он завел друзей из обеспеченных семей, возможности и положение которых стали «путевкой в жизнь» для постоянно испытывающего финансовые трудности Пшибышевского. Его часто приглашали в фамильные поместья на каникулы. Таким путем он познакомился в 1885 г. со своей первой серьезной любовью, Хеленой Штылер (Helena Szytler). Она стала его музой на последующие два года. Именно тогда он серьезно начал писать стихи. С самого начала творчества произведения Пшибышевского были проникнуты тоской, страданием и отчаянием, и лейтмотивом их была смерть как избавление от всех страданий.

В 1888 г. он блестяще выступил на концерте, исполняя Шопена. После этого молодого Пшибышевского начали активно приглашать в дома в качестве учителя музыки. Благодаря одному из подобных приглашений он

²² Henderson R. Chopin and the Expressionists // Music & Letters. 1960. Vol. 41, № 1. P. 38.

²³ Biografia // Stanisław Przybyszewski [Электронный ресурс]. URL: <http://stachu-przybyszewski.pl/biografia/> (дата обращения: 23.02.2018).

познакомился с Мартой Фердер, дочерью еврейского купца, которая впоследствии станет его неофициальной женой и родит от него троих детей.

После окончания гимназии Пшибышевский желал изучать медицину. Но стипендия имени Маринчковского (Towarzystwo Naukowej Pomocy dla Młodzieży Wielkiego Księstwa Poznańskiego), на которую Пшибышевский рассчитывал существовать во время обучения, на медицинское направление не выдавалась.

Пшибышевскому пришлось поступить на безынтeресное ему направление архитектуры и истории искусств в Королевском Техническом Институте в Шарлоттенбурге, районе близ Берлина.

Поступив в университет, он, как и когда-то в школе, не слишком много времени уделял учебе. Жил вместе со своим однокурсником Томашем Пайздерским (Tomasz Pajzderski), который знакомил Пшибышевского с непривычной ему обстановкой крупного города.

В это же время Пшибышевский начал активно читать Герберта Спенсера, Золя, Мопассана, Луи Бруклина и др., страстно увлекся Ницше.

Вскоре он решил бросить тяготившую его учебу на архитектора и в мае 1890 г. Пожертвовав стипендией, поступил на желанное медицинское направление. Он хотел изучать проблемы душевных недугов людей.

Отец посылал деньги по мере возможности, но Пшибышевский все равно был на грани нищеты.

К 1890 г. Пшибышевский попадает в круг берлинской богемы, сформировавшийся преимущественно из скандинавских писателей и художников²⁴. Время они проводили в таверне с неформальным названием «Под чёрным поросёнком».

В 1892 г. Пшибышевский публикует свое первое эссе «Из психологии индивидуализма», посвященное Оле Хансену, Ницше и Шопену. Эссе сразу же становится популярным в немецкоязычной среде.

²⁴ Александровна К. Н. Графика Эдварда Мунка в контексте европейской литературы рубежа XIX — XX вв. // Вестник славянских культур. 2015. №1 (35). С. 194.

В 1893 г. к кружку присоединяется Дагни Юль, норвежская пианистка. Несмотря на завязавшиеся связи сразу с несколькими мужчинами, одним из которых был художник Эдвард Мунк, Дагни в скором времени выходит замуж за очаровавшего ее Пшибышевского.

Тем временем от Марты Фердер у него уже было трое детей. Брошенная девушка покончила с собой в 1896 г., а дети были отправлены в приемные семьи.

Пшибышевские жили некоторое время в Норвегии, где Станислав более сблизился со Стриндбергом, Ибсеном, Гамсуном и т. д. В 1896-1897 гг. польский писатель посетил Стокгольм, Осло, Копенгаген, Испанию и Париж. В 1898 г. вновь вернулся на родину, в Польшу. Осел в Кракове, где его приняли с воодушевлением.

Для небольшого краковского общества Пшибышевский был персоной европейской величины, знаменитым «поляком, которого немцы называют гениальным»²⁵. О его личности и жизни ходили мифы, во многом активно поддерживаемые самим Пшибышевским.

А. И. Яцимирский и другие исследователи²⁶ обращают внимание на то, что именно в немецкой части Польши активно проявилось стремление отделить личность, персональные переживания на первый план. Необходимость обороняться от нападок на национальную культуру, а также исторически сложившееся восприятие роли личности в судьбе польского общества оказалась благодатной почвой для формирования целого направления, приверженцы которого объединились под общим названием Молодой Польши.

Пшибышевский стал главой Молодой Польши, новообразовавшегося движения модернистов польских интеллектуальных кругов. Принял деятельное участие в работе журнала «Życie» («Жизнь»). В 1899 г.

²⁵ Czaykowski B. Poetic theories in Poland: Przesmycki and Przybyszewski // The Polish Review. 1996. Vol. 11, № 3. P. 48.

²⁶ Висляк Я., Малецкий А. Польская литература // Литературная энциклопедия : В 11 т. 1929–1939. Т. 9. М., 1935. С. 109–110.

опубликовал там манифест «Confiteor» («Исповедаюсь»), который стал основополагающим текстом польского направления «искусства ради искусства».

В 1900 г. Пшибышевский, увлекшийся женой Яна Каспровича Ядвигой Каспрович, разошелся с Дагни Юль, переехал в Варшаву. Через год она была застрелена своим любовником Владиславом Эмериком, который покончил с собой на месте преступления. Вину за произошедшее он в предсмертной записке возложил непосредственно на Пшибышевского.

В 1903–1904 гг. Пшибышевский посетил Россию как автор драм, ставящихся польской театральной труппой Болеславского. Он побывал в Санкт-Петербурге, Одессе и Киеве. В 1905 г. женился на Ядвиге Каспрович, и тогда же проходил в Торуня лечение от алкогольной зависимости, хотя эта проблема его преследовала до самого конца жизни.

Во время Первой мировой войны Пшибышевский и Ядвига Каспрович некоторое время жили в Богемии (Чехия), и в Польшу, возрождённую к тому времени на карте, вернулись в 1919 г. Там нашел себе место в качестве переводчика с немецкого в Дирекции почт и телеграфов в Познани (1919–1920 гг.), Польских железных дорог в Гданьске (1920–1924 гг.), а с 1924 г. работал в Варшаве в гражданской канцелярии президента.

Писать Пшибышевский не бросал до конца жизни, но успехов молодости повторить не смог и жил бедно. «Даже такие смиренные, мифически потусторонние писатели, как одна из слав Польши — Пшибышевский, влачат жалковато существование»²⁷, — писал В. Маяковский в 1927 г. во время поездки в Польшу.

Скончался Станислав Пшибышевский 23 ноября 1927 г. на 59 году жизни в своей родной Куявии.

²⁷ Маяковский В. В. Поверх Варшавы // Полн. собр. соч. : В 13 т. Т. 8. М., 1958. С. 352.

§ 2. Основные философские концепции творчества Пшибышевского

Пшибышевский был ярким представителем своего времени, декадентом, наряду с М. Метерлинком, О. Уайльдом, Ш. Бодлером и т. д. Он был поляком, воспитанным не чуждым польской традиции и чувству патриотизма, но становление его личности проходило в богемных кругах Берлина, среди норвежских и берлинских интеллектуалов, а потому он впитал в себя именно немецкие философские направления.

Его первые произведения не были бы с таким восторгом приняты западноевропейской публикой, если бы не оказались подхвачены волной увлеченности берлинского и шведско-норвежского общества ницшеанством и схожими с ним направлениями.

В польской среде Станислав Пшибышевский не сразу завоевал признание. Она в 1890-х гг. находилась все еще под властью романтизма и позитивизма. Пшибышевский, наряду с К. Пшервой-Тетмаейром, Я. Каспровичем, Т. Бой-Желеньским и другими представителями Молодой Польши, начал экспансию западноевропейских течений в искусстве на польское интеллектуальное общество.

В России же, как писал Н. А. Бердяев, «поэзия символистов выходила за пределы искусства, и это была очень русская черта. Период так называемого "декадентства" и эстетизма у нас быстро кончился, и произошел переход к символизму, который означал искания духовного порядка, и к мистике»²⁸. Поэтому творчество Пшибышевского было воспринято в России бурно, но всего лишь на короткий срок, совпадающий со временем развития течений модерна в России — 1890–1909 гг.²⁹

²⁸ Бердяев Н. А. Русская идея. М., 2007. С. 258.

²⁹ Синеокая Ю. Три образа Ницше в русской культуре. М., 2008. С. 55.

Д. С. Свистунович выделяет³⁰ периоды эстетических взглядов Пшибышевского: натурализм (1892–1900 гг.), символизм (1901–1909 гг.), и с 1910 г. вплоть до его смерти в 1927 г. — экспрессионизм. Пшибышевского, по мнению Д. С. Свистуновича, можно назвать не только одним из первых модернистов в польском интеллектуальном обществе, но и одним из предвестников экспрессионизма.

Натурализм Пшибышевского характеризуется особенной психологической направленностью. Подобный «психологический натурализм» — влияние Эмиля Золя, который все законы развития обуславливал биологическими процессами. Пшибышевский «переносит свои исследования в область психиатрии, раскрывая человеческую душу в ее наиглубочайшей сути, по ту сторону добра и зла»³¹.

Кроме Эмиля Золя в творчестве польского писателя прослеживаются заимствования из Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, представителей Молодой Скандинавии, Мориса Метерлинка, Генрика Ибсена, Августа Стриндберга и т. д. У А. Стриндберга, к примеру, Пшибышевский позаимствовал для своих текстов оттенок пренебрежения в восприятии роли и положения женщины, у Г. Ибсена и М. Метерлинка — «новую драму», невиданное до этого явление в драматургии, которая придавала драматическому искусству особенную социально-психологическую направленность.

Но более всего на становление мировоззрения Пшибышевского оказал влияние Фридрих Ницше.

³⁰ Свистунович Д. С. Теория «нагой души» С. Пшибышевского. От натурализма к символизму // Научное мнение. СПб., 2014. № 6. С. 119.

³¹ Там же. С. 120.

§ 2.1. Пшибышевский и Ницше

В новелле «Заупокойная месса», которая будет рассмотрена ниже, возможно проследить поэтическую схожесть с трактатом Ницше «Как говорил Заратустра». Он вторит Заратустре в словах, обращенных к простым обывателям: «Я возлюбил тех, кто...»³²: «я люблю вас всех...»³³. Но у Пшибышевского этот посыл крайне эгоистичен.

Пшибышевский в резкой форме унижает этих простых обывателей («вы навозная куча, из которой возникает новое будущее»³⁴). В оппозицию он ставит собирательное, обобщенное «я» главного героя, представляя из него сверхчеловека. Сверхчеловек Пшибышевского сконцентрирован на себе самом и не ищет следующей ступени, прогресса, он декадентен: его действия направлены на саморазрушение.

Ницше, хотя тоже считал нынешнего человека исчерпавшим себя, на смену которому обязан прийти сверхчеловек, не высказывал подобного. Новая ступень развития не означала полного краха существования предыдущего звена цепи. Человек для Ницше примитивная, но не бесполезная в плане общего пути развития, форма существования.

Ярко выражена био-физиологическая направленность Пшибышевского. Он объясняет все сквозь призму психологии и даже предполагает выведение из своих постулатов новый тип человека. Это явная отсылка к сверхчеловеку Ницше – вот только Пшибышевский в своем творчестве волю к власти, которая является основой для философии немецкого мыслителя, заменял на, если можно так выразиться, «волю к противоположному полу», которая стремилась к «воле к саморазрушению». Фальк, главный герой романа

³² Избранные переводы из Ницше профессора А. В. Перцева. СПб, 2014. С. 8–10.

³³ Пшибышевский С. Заупокойная месса. М., 2002. С. 35–36.

³⁴ Свистунович Д. С. Теория «нагой души» С. Пшибышевского. С. 119.

Пшибышевского «Homo sapiens», являлся для современников «самым ярким до сих пор типом сверхчеловека в художественной литературе»³⁵.

«Ницше хотел сделать из морали проблему власти, он подчеркивал человеческую доминанту: воля к власти. Пшибышевский напротив, понимал пол и сексуальный инстинкт как источник движущей силы человечества»³⁶, — пишет Д. С. Свистунович.

Литературное творчество Станислава Пшибышевского является примером дионисийского искусства, каким его понимал Ницше. Этой точки зрения придерживается Н. Сперанская, подробно рассматривавшая демонизм и индивидуализм произведений Пшибышевского в своей монографии, посвященной дионисийству в искусстве³⁷. М. Таннер определял творчество Пшибышевского как состоящее «в бесформенном кружении боли и удовольствия, причем боль здесь на первом месте»³⁸.

Пару слов стоит сказать о постулатах теории «нагой души», которую Пшибышевский раскрывал в трактате «Confiteor» («Исповедаюсь») 1899 г. Этот трактат для польских творческих кругов объявлял начало эры «искусства ради искусства».

Провозглашая принцип «искусство для искусства», Пшибышевский отвергал все возможные эстетические категории³⁹ и отрицал любую ангажированность художественных произведений. «Тенденциозное искусство, искусство нравоучительное и искусство-развлечение, патриотическое искусство, искусство, имеющее какую-либо моральную или общественную цель, перестает быть искусством»⁴⁰.

Искусство, находящееся вне обыденного мира, «есть воссоздание того, что вечно, независимо от всяких изменений и случайностей, от времени и пространства, следовательно, оно есть воссоздание сущности, т. е. души,

³⁵ Яцимирский А. И. Новейшая польская литература... С. 263–272.

³⁶ Свистунович Д. С. Теория «нагой души» С. Пшибышевского. С. 119.

³⁷ Сперанская Н. Дионис преследуемый. М., 2014. С. 471–483.

³⁸ Таннер М. Ницше. М., 2010. С. 26.

³⁹ Там же. С. 185.

⁴⁰ Хорев В. А. Польская литература XX века. 1890–1990. М., 2009. С. 17.

притом души, где бы она ни проявлялась: во вселенной ли, в человечестве или в отдельном индивидууме»⁴¹.

Исходя как из этого трактата, так и из общих черт, присущих всему творчеству польского писателя, можно утверждать, что для Пшибышевского в человеке сосуществовали две противоположности: мозг и душа. И ветреные, непостоянные и порывистые выражения последней Пшибышевский ставил превыше всего. Именно поэтому он считал, что литература существует для того, чтобы писатель передавал на бумагу свои ощущения и чувства, минуя или даже намеренно игнорируя сознание, а вместе с этим исключая всякую социальную или политическую направленность литературы.

§ 2.2. Особенности творческих взглядов Пшибышевского на примере новеллы «Заупокойная месса»

Рассказ Станислава Пшибышевского «Заупокойная месса» входит в сборник лирической прозы «Пятикнижие». В него входят, кроме названной, «Вигилии», «У моря», «Андрогина» и «De profundis». Эти поэмы в прозе, особенно пейзажная новелла «У моря», имели широкий успех в России⁴².

Все пять произведений посвящены первой жене Пшибышевского, Дагни Юль, написаны в период их совместной жизни и связаны темой половой любви, причиняющего страдания влечения, которое страстно желанно, но губительно для главного героя.

«Заупокойная месса» (другие названия «Totenmesse», «Requiem aeternam») была написана первой и в свое время произвела в Германии фурор, схожий с тем, который был при публикации эссе Пшибышевского «К психологии индивидуума». Немецкая публика в то время (1893 г.) имела

⁴¹ Przybyszewski S. Confiteor [Электронный ресурс] // URL: <http://wolnelektury.pl/katalog/lektura/confiteor> (Дата обращения: 20.03.2018).

⁴² Пшибышевский С. Заупокойная месса. М., 2002. С. 10.

сильный интерес к интерпретациям идей ницшеанства, что заметно по количеству публикаций, связанных с трудами этого философа ⁴³.

«Вигилии», (они же «Кануны», «В долине слез», «В юдоли слез»), написаны и опубликованы в 1894 г. А. И. Яцимирский называет их самым зрелым и жизненным произведением из всех пяти ⁴⁴.

Произведение «У моря» («Эпипсихидион», «Над морем», «Над фьордом») на немецком языке вышло в 1899 г., и является наиболее глубоко проникнутым нежной привязанностью и любовью к женщине.

Рассказ «Андрогина» («В час чуда»), 1899 г., в отличие предыдущих, был изначально написан на польском языке.

«De profundis», немецкое издание которого вышло в 1895 г. — третий в хронологическом порядке, но помещенный Пшибышевским последним по счету в «Пятикнижие». Рассказ сопровождается предисловием, в котором Пшибышевский обращается к своим критикам, определяя цель и суть своего творчества. В нём он называет любовь между братом и сестрой, которая является основной темой «De profundis», наиболее точно символизирующей идею главенства сексуального влечения над другими чувствами.

Обратимся подробнее к «Заупокойной мессе», названной Г. Риц-Цюрихом «программным для Пшибышевского текстом» ⁴⁵. Она была написана в 1893 г. на немецком языке, в 1901 г. переведена и издана на польском. Переведена на русский язык только в 1906 г., опубликована в четвертой книге второго издания Собрания сочинений С. Пшибышевского издательства «Скорпион». В настоящее время имеется переиздание 2002 г. в дореволюционных переводах М. Семенова (1905 г.) и Н. Самойловой (1908 г.) с соответствующими правками в рамках реформы русской орфографии 1918 года.

⁴³ Синеокая Ю. Три образа Ницше в русской культуре. С. 57.

⁴⁴ Яцимирский А. И. Новейшая польская литература.... С. 263.

⁴⁵ Пшибышевский С. Заупокойная месса. С. 10

Эпиграфом к Totenmesse автор поместил полонез *fis-moll* op. 44 Фредерика Шопена, по какой-то причине опущенный в издании 2002 г. Другая новелла, «*De profundis*», также сопровождается в эпиграфе сонатой Op. 35 *B-moll* Шопена.

На Пшибышевского творчество и личность Фредерика Шопена оказывали большое влияние. Первое, дебютное эссе Пшибышевского «К психологии индивидуума. I. Шопен и Ницше» было посвящено анализу психологии великого композитора. «Благодаря Шопену впервые уяснил я себе сущность музыки»⁴⁶, - пишет Пшибышевский.

Пшибышевский выделял гениального пианиста наряду с Ф. Ницше как человека породы, которая, как верил Пшибышевский, будет повсеместно распространена в будущем - человека, который, словно искусно настроенный передатчик, настроенный внутрь себя и для которого собственные внутренние переживания являются важнейшими событиями в жизни. «Его слабое сложение и все болезненные задатки, постепенно разрушавшие его тело, быть может, представляют главный динамический фактор в росте его души»⁴⁷.

Таким образом, нельзя отбрасывать поставленный автором эпиграф, как это сделали в последнем русском издании. Музыка для Пшибышевского означала столь же много, как и текст. Андрей Белый писал, что «образ у Пшибышевского связан с бессознательной музыкой»⁴⁸. Музыка и текст, если автор их связывает, неотделимы друг от друга, так как служат единой цели — передать «жизнь души».

Полонез Op. 44 *fis-moll* был написан Шопеном в 1840–1841 гг. Произведение наполнено богатством красок, но присутствует и несвойственная полонезам, сочинявшимся до Шопена, трагедийность. Пшибышевский этот полонез характеризовал как «ужасный, обнаженный крик души»⁴⁹. «Образы действительности преломлены в нем [Шопене] сквозь

⁴⁶ Там же. С. 333.

⁴⁷ Там же. С. 329.

⁴⁸ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 147.

⁴⁹ Пшибышевский С. Заупокойная месса. С. 180.

призму трагического восприятия, а резкость контрастов усугубляет драматизм сопоставлений и психологических состояний»⁵⁰. Это же можно сказать о произведениях Пшибышевского.

«В начале был пол. Ничего, кроме него, — все в нем». Эта фраза, которую писатель поместил в самое начало своего повествования, становится во всех последующих работах программной. Кажется, ни один последующий критик или исследователь не сможет опустить эту цитату. Измененная библейская цитата приобрела основополагающий смысл для всего творчества Пшибышевского.

Половая деятельность, слепое, иррациональное стремление мужчины к женщине, по словам А. И. Яцимирского, для Пшибышевского являлось первопричиной и смыслом жизни. Подобное поведение превозносится и представляется единственно верным.

Самое частое слово в рассматриваемой новелле – «я». Герой полностью ориентирован на самого себя, весь прочий мир для него не существует. А. И. Яцимирский называет подобное направление анархическим индивидуализмом⁵¹.

Главный герой безличен, безымянен. Его индивидуальность намеренно стерта Пшибышевским. Автор стремится передать только ощущения, которые испытывает главный герой. Для того, чтобы ничего не могло отвлечь читателя от центричности и главенства эмоциональных переживаний, Пшибышевский не дает герою ни четких характеристик, ни даже имени. Он носит в себе широкое, общее понятие «человека души», личности будущего.

Герой Пшибышевского универсален: его личность унифицирована в угоду показательности и максимальной концентрации образа. Обезличивание в угоду торжеству личности – такой парадокс представляет перед читателем Пшибышевский.

⁵⁰ Галацкая В. Музыкальная литература зарубежных стран. Вып. 3. М., 1979. С. 501.

⁵¹ Яцимирский А. И. Новейшая польская литература.... С. 254–258.

Возлюбленная главного героя также не имеет определенной личности. Она — собирательный образ, искусительница, которая имеет только функцию пробуждение полового влечения в мужчине.

Пшибышевский переносил на бумагу свои переживания отношений с женой и другими женщинами, в которых недостатка у него не было⁵². Подобный перенос, впрочем, не была чем-то из ряда вон выходящим для польских художественных произведений начала XX в. «События реальной жизни воспринимались как возможная литературная тема и с легкостью переносились»⁵³ на холсты или бумагу.

В рассказе отсутствует связное повествование, сюжет. «Жизнь души» не нуждается в логическом объяснении, она импульсивна и иррациональна. В творчестве Пшибышевского, как пишет А. Белый, «...вместо связи души и тела, переживания и образа, ритма и слова – вспышка чувства и сокращение мускула»⁵⁴.

Эмоциональная неустойчивость — еще одна черта человека будущего по мнению польского модерниста. «Когда человек вырождается и болен, он никогда не знает своих состояний; они постоянно изменяются; сейчас вот любовь и счастье, и в то же мгновение ненависть и отвращение»⁵⁵.

Первая поэма в прозе авторства Пшибышевского произвела впечатление на публику не менее сильное, чем опубликованные годом ранее эссе. Она носила в себе все те основы, на которых лежало в будущем все творчество Пшибышевского.

Таким образом, можно сделать вывод, что «Заупокойная месса» является отражением всей концепции Станислава Пшибышевского, которую он передавал сквозь свое творчество.

⁵² Ольчак-Роникер И. В саду памяти. М., 2006. С. 70–74.

⁵³ Польское искусство и литература: от символизма к авангарду. СПб, 2008. С. 26.

⁵⁴ Белый А. Символизм как миропонимание. С. 147.

⁵⁵ Там же. С. 51.

Глава III. Влияние русской культуры на творчество Пшибышевского

§ 1. Роман «Дети Сатаны»

«Дети Сатаны» были созданы Станиславом Пшибышевским на немецком языке в 1897 г., в период с октября по декабрь. Его жена, Дагни Юль, в это время была беременна, и он вместе с ней жил в норвежском городе Конгсвингер у её родителей. Во время проживания в Конгсвингере Пшибышевский пишет несколько произведений: «Дети Сатаны», трилогию «Homo sapiens», драму «Для счастья», несколько своих поэм в прозе («De profundis», «В юдоли слез», «Над морем» и другие).

«Дети Сатаны» («Satans Kinder» на немецком, «Dzieci Szatana» на польском) были изданы сразу после написания в 1897 г. в Германии (Satans Kinder. Roman. Verlag von Albert Langen, Paris Leipzig München, 1897 г.).

На польский произведение было переведено самим Пшибышевским через два года, в 1899 г. Первый раз издано в том же году, во Львове, в издательстве Бернарда Полонецкого (Bernard Połoniecki), одного из самых знаменитых польских книготорговцев конца XIX — начала XX вв. Кроме того, на данный момент есть и переиздание конца XX в.

В России первое отдельное издание датируется 1906 г.⁵⁶ Причем в издательстве «Скорпион» перевод романа Евгением Троповским был утвержден непосредственно самим автором⁵⁷.

Названный переводчик сотрудничал с Пшибышевским не единожды. В 1906 г. в том же издательстве вышла пьеса Пшибышевского «Вечная сказка»⁵⁸. В предисловии к изданию говорится, что автор дает «Скорпиону» исключительное право опубликовать русский текст раньше польского

⁵⁶ Пшибышевский С. Дети Сатаны: Роман в 4 ч. / Ед. разреш. авт. пер. Е. Троповского. М., 1906.

⁵⁷ Пшибышевский С. Вечная сказка. / Ед. разреш. авт. пер. Е. Троповского. М., 1907. С. 2–3.

⁵⁸ Там же.

варианта. Кроме того, перевод Е. Троповского был единственным переводом, в котором драма могла быть поставлена на сцене.

«Дети Сатаны» на момент их появления в печати рассматривались в качестве первой «сатанинской» работы (как в польской, так и немецкой литературе). Запутанный сюжет, упор на диалогах персонажей и отсутствие какого бы то ни было описания обстановки вокруг — все это было для публики в новинку. Читатель с первых строк погружался непосредственно в «чистое безумие» беспокойных умов персонажей романа. «Это какая-то творческая эпилепсия»⁵⁹, — высказывалась О. Кубе.

Роман по большей части состоит из диалогов или монологов. Отсутствует какое бы то ни было описание окружающей действительности. Посредством таких непрерывных диалогов Пшибышевский «окунал» читателя в самую глубину мыслей и ощущений персонажей, эмоции которых оказываются благодаря этому приему буквально обнажены.

Хотя все действие и происходит в городе, его облик трудно воссоздать. Места действия упоминаются мельком, без конкретизации, постольку, поскольку они фигурируют в революционных планах заговорщиков. Создаваемая таким образом атмосфера отсутствия взаимодействия персонажей с реальным пространством позволяет сконцентрировать внимание на «жизни души» каждого героя. Дождь, о котором говорится также мельком, только усиливает ощущение усталости и подавленности в романе.

Роман разделен на четыре главы — «Дети Нового Сиона», «Сумерки», «Дело» и «Рассвет». Заглавия символично передают суть происходящего. Последнюю главу Пшибышевский заканчивает зловещим изречением главного героя, Гордона: «Завтра я освобожусь от всего прошлого, прежде чем начать новое дело»⁶⁰.

⁵⁹ Кубе О. Кошмары жизни (критически-психологический очерк о Л. Андрееве, Пшибышевском и др. современных писателях). СПб, 1909. С. 22.

⁶⁰ Пшибышевский Ст. De profundis. Дети сатаны / Пер. В. Высоцкого // Полн. собр. соч. В 8 т. Т. 6. М., 1909. С. 322.

Этой финальной фразой писатель безапелляционно утверждает, что для главного героя (или для подобных ему «детей Сатаны») существует ещё множество новых городов и новых людей, которых можно повести за собой в разрушительных целях. Рассвет — это символ нового дня, того, что все продолжается вновь, и новые «сумерки» и «дела» ждут совершения руками «детей Сатаны».

Основную трактовку того, что есть «дети Сатаны» можно извлечь из следующего диалога Гордона и Стефана:

«Ведь в том, что все мы — дети Сатаны, очень много правды. Все гонимые отчаянием и сомнением, все беспокойные, все те, кого давит и гнет совесть. Справедливо и то, что жизнь — царство Сатаны, ад... после смерти мы увидим, быть может, что-нибудь глупое и банальное, в роде рая... Впрочем, я думаю, что все то, во что верят люди — ложь. Напротив...

— То есть, что каждый после смерти наверное будет в раю?

— Каждый, кто здесь попал в когти Сатане»⁶¹.

Роман «Дети Сатаны» можно назвать словесным описанием переживаний и изменчивых чувств, пересказом путаных мыслей, которые мучают героев произведения. Это — вербализация индивидуалистического взгляда на мир, а также отражение на бумаге понимания Пшибышевским анархизма и сатанизма. Сам Пшибышевский в богемной среде имел прозвища «Грустный Сатана», «Немецкий Сатанист», «Демон молодой литературы»⁶². Е. А. Паньков и вовсе утверждал, что «для С. Пшибышевского воплощением творческого начала, универсальной реализацией его собственной философии формально становится сатанизм»⁶³.

Бог у Станислава Пшибышевского трансформируется в Сатану, в цепких когтях которого находится современное автору поколение. «Сатанинское»

⁶¹ Там же. С. 127.

⁶² Сперанская Н. Дионис преследуемый. М., 2014. С. 166.

⁶³ Паньков Е. А. Деформация художественного мира в романе Станислава Пшибышевского «Дети сатаны» // Вестник БарГУ. 2013. Вып. 1. С. 129; Паньков, Е. А. Нищета мира в романе «Дети Сатаны» С. Пшибышевского // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności : матэрыялы XX міжнар. навук. канф., Гродна, 23-24 кастр. 2014 г. / Рэд. кал.: Я. Панькоў, В.А. Апановіч, Д.С. Томчык, В. Панькова и др. Мінск, 2015. С. 139.

поведение, разнузданность, развращенность, беспробудный алкоголизм, психическое помешательство – все это присуще и «относится к психологии детей Сатаны»⁶⁴.

«— Какая-то фатальная сила гонит вас к тому, чтобы создавать себе его. У меня еще есть где-то очень характерные твои [Гордона] стихи, написанные в юные годы. Ты молишь в них Бога, чтобы Он послал тебе страдание неслыханно гордое — ты употребил такое выражение, — святое страдание, более гордое и святое, чем страдания Его великого Сына... В таком страдании — поэзия и красота»⁶⁵.

«Дети сатаны» для Станислава Пшибышевского — это те молодые люди и девушки, которым тесно в рамках общественных норм. Их терзает желание активности, которая в их болезненно воспаленных головах трансформируется в страсть к разрушению. Это стремление к разрушению не созидательное, считающееся способом достижения каких-то определенных будущих целей — к примеру, для постройки нового общества, на отличных от предыдущего устройства началах. Разрушение от рук «детей сатаны» — это разрушение ради разрушения. В романе есть показательный диалог⁶⁶, в котором Гордон так и отвечает на вопрос о том, зачем он все это организует, зачем хочет возмутить город революцией. «Гордон провозглашает, что единственной его целью является уничтожение бытия»⁶⁷, или даже, подобно Ницше, уничтожение самого Бога⁶⁸.

«Я хочу разрушать не для того, чтобы восстанавливать разрушенное, а для того, чтобы разрушать. Разрушение — мой догмат, моя вера, мой бог. Может быть, я ошибаюсь, может быть, я бессознательно желаю добра, может быть, в этом кроется идея о человечестве, — но мне это безразлично. Я хочу только разрушения»⁶⁹.

⁶⁴ Пшибышевский Ст. De profundis. Дети сатаны / Пер. В. Высоцкого. С. 266.

⁶⁵ Там же. С. 222.

⁶⁶ Там же. С. 277.

⁶⁷ Сперанская Н. Дионис преследуемый. С. 176.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Пшибышевский Ст. De profundis. Дети сатаны / Пер. В. Высоцкого. С. 116.

Гордон презирает учение Ницше о сверхчеловеке, которое рассматривается им как продукт буржуазного страха за собственность ⁷⁰. В романе много отсылок к недостаткам буржуазного общества. Такая критика со стороны Пшибышевского ясна, ведь он некоторое время был редактором социал-демократического еженедельника «Gazeta robotnicza» («Рабочая газета») (1892–1893 гг.).

Анархистами представленную в романе группу революционно настроенных молодых людей называть не верно. Гордон презирает не только буржуазное мировоззрение, но и анархистов как таковых. Он ненавидит всех, ненавидит общество как человеческую совокупность, и потому не может признать веру анархистов в то, что люди на добровольных началах способны самоорганизовываться и жить друг с другом в мире без власти.

Через черты каждого из героев романа Пшибышевский показал читателю различные лики Сатаны. Символом же самого дьявола является главный герой Гордон — его называют мастером, Богом, Князем Тьмы и даже прямо — Сатаной.

Но все «дети Сатаны» отчуждены от общества, которое сознается ими как механизм, созданный для отрицания и удушения личности в угоду социальному спокойствию и благополучию. Персонажи «Детей Сатаны» резко противопоставляют себя этому самому закоснелому обществу.

Все действия героев подчинены их восприимчивой и нервной психике. Кидаясь от одного утверждения к другому, персонаж не может определиться с тем, что он чувствует, какие ощущения и убеждения в нем первичны, что есть правда, а что есть ложь.

«Вы сказали, что все мы — дети Сатаны. Вы — Сатана, а я — ваше дитя. И вы — ад. Теперь я не буду больше вас слушаться. Во мне самом — ад. Теперь я сам — Сатана... Ха, ха, ха... Нет, нет, нет! Вы — ангел, а я только ничтожный Иаков, который хочет вырвать тайну у Великого. Прекрасного...

⁷⁰ Там же. С. 250.

Ох, как я вас ненавижу и как я вас люблю! Но вы привили мне ненависть. Я задыхаюсь от нея, умираю от этой ненависти...»⁷¹

«Дети Сатаны» подвержены сиюминутным, болезненным и нервическим, «лихорадочным» порывам.

«— Разумеется, у вас жар! <...> Но это именно тот род лихорадки, которая дает особый вид страдания... Хе, хе, когда у мужика лихорадка, он две недели лежит в постели. А каждый из нас – из нас, детей Сатаны, как называл Гордон, ходит, шатается целыми неделями с этой лихорадкой, и это нисколько ему не вредит.»⁷²

Безумие в той или иной степени преследует каждого из персонажей. Отвержение норм и запретов, нарушение табу, правил морали и веры становится для «детей Сатаны» почти что новой религией. Ими движут сексуальный и деструктивный импульсы.

§ 2. Тексты «Бесов» Ф. М. Достоевского в романе «Дети Сатаны»

При первом, даже беглом знакомстве с текстом романа, можно заметить явные параллели между романом «Бесы» Ф. М. Достоевского и «Дети Сатаны» Станислава Пшибышевского.

Ф. М. Достоевский в свое время произвел на молодого Пшибышевского большое впечатление. Существует две версии знакомства с творчеством великого русского писателя, высказанных самим Пшибышевским в своих воспоминаниях «Мои современники»⁷³. В первом варианте польский модернист утверждает, что к началу 1890 г. познакомился лишь с «Преступлением и наказанием» Достоевского. Это произведение его

⁷¹ Там же. С. 128–129.

⁷² Там же. С. 203.

⁷³ Przybyszewski S. Moi współcześni: wśród obcych. Warszawa, 1926. 295 s.

потрясло, и через некоторое время он создал, пребывая в Норвегии, роман «Дети Сатаны», ничего не подозревая о существовании «Бесов».

По другой версии, знакомый секретарь русской миссии в Осло доставил ему всего Достоевского во французском и датском переводах. После прочтения «Бесов» Пшибышевский был захвачен атмосферой романа и, под влиянием великого русского писателя, не смог сопротивляться и написал «Детей Сатаны» по «образу и подобию» «Бесов» Достоевского»⁷⁴. Ю. Горак считает вторую версию более убедительной.

В первую очередь стоит обратить внимание на личность Гордона как центрального персонажа романа. Уже в первой главе видна схожесть между ним и Ставрогиним.

«Сверхчеловек» Ставрогин сыграл роковую роль в судьбах некоторых персонажей романа Достоевского⁷⁵ (Шатова, Лебядкина, Петра Верховенского и др.). Точно так же «сверхчеловек», «сатана» Гордон является злым роком для людей, его окружающих. Сами персонажи открыто признаются во влекущей их демонической силе главного героя. Каждый видит в нем некое высшее существо, которому они готовы отдать свою волю, и, если потребуется, даже душу. Недвусмысленные фразы в адрес Гордона от лица каждого из персонажей — «Мой Бог», «учитель мой», «вы — Сатана, а я — ваше дитя», «вы — ангел».

Многие слова героев перекликаются со словами героев «Бесов». И Шатов, и Кириллов, и Петр Верховенский — все чувствовали от Ставрогина зависимость, каждый из них после встречи с ним в некотором роде менялся, укрепляясь в мнении, что Ставрогин — сверхчеловек, впитывали в себя на долгие годы его слова или действия. И ровно те же чувства и чаяния проявляют и персонажи «Детей Сатаны» к Гордону.

«Вы разбили мою веру. Вы отняли у меня все, что могло бы теперь меня утешить. Я стал жрецом атеизма, принес его в школу, привил его сердцам моих

⁷⁴ Горак Ю. «Дети Сатаны» Пшибышевского и Достоевский. С. 221.

⁷⁵ Васильев А. Д. Интертекстуальность... С. 118.

товарищей, плевал на все святое, разрушал и портил, так как вы были моим богом, так как я верил вам, а теперь, когда меня охватывает страх смерти, вы кормите меня эстетикой, вы...»⁷⁶

«Теперь у меня нет веры, но я иду за тобой, так как она есть у тебя. Я в сущности не знаю, почему ты играешь в моей жизни такую громадную роль, и не думал об этом, — когда ты 12 лет назад вошел в класс, и когда мы впервые окинули друг друга угрюмыми глазами, я сразу почувствовал, — да, я прекрасно знал: вот он мой фатум»⁷⁷.

Эти цитаты подтверждают слова о схожести ролей Ставрогина и Гордона.

Схожи и несколько эпизодов романа Станислава Пшибышевского с эпизодами в «Бесах» Ф. М. Достоевского.

В «Детях Сатаны» Гордон приходит к Поле, надеясь на разговор, но та отказывается иметь с ним общение. Через некоторое время, пока главный герой сидел с бургомистром, то есть со своим дядей, как «вдруг он услышал спазматический смех. Произошло страшное замешательство, с криком прибежало несколько дам... Он вскочил с места: увидел Полю на диване, она вилась от истерического смеха, тотчас перешедшего в сдавленные, порывистые рыдания»⁷⁸.

Этот эпизод напоминает приступ истерики у Лизаветы Николаевны. Еще одной схожей чертой Поли можно назвать и ее влюбленность в Гордона, а также печальную кончину — как и Лиза, и Поля Вронская уходит в мир иной путем быстрой и неожиданной смерти.

Следующий эпизод также перекликается с сюжетной ситуацией в «Бесах».

«Он (Гордон) не успел ещё пройти и ста шагов, как его догнал Остап, запыхавшийся, усталый, и конвульсивно схватил его за руку.

⁷⁶ Пшибышевский Ст. De profundis. Дети сатаны. С. 128.

⁷⁷ Там же. С. 115.

⁷⁸ Там же. С. 214.

— Не уходи, ради Бога! Остапся со мной. В тебе есть сила. С тобою я спокоен, только из твоей силы я могу черпать жизнь. Я так слаб — ты можешь мне быть опорой. Меня преследует страх, ты один умеешь его разогнать. Вернись, пойдем со мной, буду красть, убивать, грабить, всю провинцию заражу бациллами.

Он не мог продолжать и бессмысленно повторял одни и те же слова.

Гордон взглянул на него. Остап изменился до неузнаваемости. Лицо его сжалось от конвульсивной судороги, губы лихорадочно дрожали.

— Нет, не хочу! — Произнес наконец Гордон. — Я вдоволь наслушался твоей болтовни. Ты из кожи лезешь, чтобы оскорбить меня как можно больше.

— Нет, нет! — Остап заломил руки. — Я не хочу тебя оскорблять, но ты для меня Александр Великий, Байрон, Карл XII.

Гордон брезгливо отвернулся и хотел идти дальше. Остап задержал его силой. [...] Он показал Гордону револьвер, но рука его дрожала так сильно, что он чуть не уронил его на землю...

На нем было выражение безграничной, рабской покорности. Глаза горели лихорадочно, блуждающим блеском...

Остап долго смотрел на него и вдруг расхохотался почти спазматическим смехом»⁷⁹.

Точно так же, как Остап хватается за руку Гордона, так же Верховенский в восьмой главе «Бесов» под заглавием «Иван-царевич» хватается за локоть Ставрогина. Эта сцена у Пшибышевского точь-в-точь такая же: и преследование Остапом Гордона, и брезгливое отношение к молодому человеку последнего, и револьвер, который выступает у Остапа вместо ножа в сапоге у Верховенского.

Кроме того, явное заимствование Пшибышевским идеи о том, что лидер группы заговорщиков (Гордон у Пшибышевского, у Достоевского – Петр

⁷⁹ Там же. С. 231–232.

Верховенский) должен распускать слухи о широкой сети мелких революционных кружков, которая покрывает всю страну.

«У тебя бывают превосходные идеи, — например, что все дети Сатаны не должны знать друг друга, а должны быть объединены одной и той же руководящей идеей, или, другими словами, должны подчиниться внушению, что они – члены тайного общества, распространенного по всей земле»⁸⁰.

Но все это, как и в случае с кружком Верховенского — чистой воды фарс, направленный на то, чтобы сплотить участников революционной группы и предоставить им иллюзию уверенности в необратимости происходящих в обществе разрушительных процессов.

Пшибышевский перенес в свое произведение и идею с пожаром. В «Бесах» горит Заречье, подожженное якобы рабочими с фабрики Шпигулина. В «Детях Сатаны» пожар, пусть и косвенно связан с бунтом рабочих фабрики Шнитлера, но более масштабен.

Личность Гордона у Пшибышевского содержит в себе и Ставрогина, и Петра Верховенского одновременно. Мистическая «сверхчеловечность» и безудержное стремление к разрушению ради разрушения, к сеянию хаоса вокруг себя – вот те два ключевых качества, которые уживаются в Гордоне, превращая его в настоящего «Сатану», жаждущего разрушения, не способного прийти в умиротворение и довольство ни на секунду и находящего удовлетворение лишь в душевных страданиях.

Рассмотренные выше заимствования были не единственными в творчестве Станислава Пшибышевского. Параллели между текстами Достоевского и произведением Пшибышевского можно найти и при анализе его романа «Номо Sapiens». «Сам Пшибышевский писал в «Zyciu» («Жизнь»), что стремился довести ницшевского сверхчеловека до абсурда. И в таком объяснении весь роман (Номо Sapiens) нашего автора был бы лишь поздним повторением „Преступления и наказания“»⁸¹.

⁸⁰ Там же. С. 235.

⁸¹ Аничков Е. В. Литературные образы и мнения, 1903. СПб., 1904. С. 133.

Таким образом, роман «Дети Сатаны» изобилует рецепциями текста Ф. М. Достоевского. Это позволяет предположить, что в основу своего романа Пшибышевский взял «Бесов». А. И. Яцимирским герои «Детей Сатаны» и вовсе были названы «бесами, начитавшимися Ницше»⁸². Под «бесами» подразумевались герои одноименного романа Ф. М. Достоевского.

В подобном заимствовании присутствовало отличие польского модерниста от других талантливых литераторов, к примеру, от Ремизова⁸³, который также позволял себе вторить сюжетам Ф. М. Достоевского. Из-под его пера выходили остроумные пародии на героев, эпизоды или стиль великого русского писателя, но отличие было в том, что при этом он глубоко понимал язык Ф. М. Достоевского⁸⁴.

Были и более резкие высказывания по поводу подобных повторений: «Увлекаясь реализмом внешних форм творчества Достоевского, бездарные последователи его окончательно зарылись в анализ реальных форм и выбросили из литературы последние остатки идеализации, эстетики и духовного подъема, заменив их кликушеством, истерией на чисто-физиологической почве»⁸⁵.

Как утверждает Н.А. Кузьмина, тексты могут быть как «сильными», так и «забытыми». «Сильные» тексты — это те, что постоянно востребованы обществом. Они «имеют вневременную отнесенность и непреходящую ценность»⁸⁶, на них ссылаются как напрямую, так и неосознанно. Их можно назвать «хрестоматийными», так как именно на них строится образовательный канон. Несомненно, именно таким, «сильным» текстом и является произведение Ф. М. Достоевского «Бесы».

Роман «Дети Сатаны» Пшибышевского нельзя назвать «сильным», по крайней мере, в контексте русской культуры. Но, по утверждению

⁸² Яцимирский А. И. Новейшая польская литература... С. 258.

⁸³ Блиц, Н. Л. Ф. М. Достоевский в творчестве А. М. Ремизова... С. 7–10.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Кубе О. Кошмары жизни... С. 18.

⁸⁶ Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург, Омск, 1999. С. 49–53.

вышеупомянутой Н. А. Кузьминой, «забытые» тексты никуда не исчезают и не пропадают из общего культурного поля. «Они остаются в составе интертекста и могут быть извлечены из него в любой момент, если будут заново восприняты новым поколением читателей в соответствии с новым временем и новыми взглядами на те или иные процессы и события»⁸⁷.

⁸⁷ Там же. С. 50.

Глава IV. Влияние творчества Пшибышевского на русскую культуру рубежа веков

Станислав Пшибышевский, оказав значительное влияние на культуры целого ряда стран, не сумел прочно закрепиться в широкой памяти общества в последующее время. Это можно утверждать по характеру упоминаний, отзывов, рецензий на него и его творчество.

Символизм Станислава Пшибышевского в русской среде вызывал многие споры. Противоречивые мнения вызывало вообще всё творчество польского модерниста.

Роман «Дети Сатаны» в свое время был одним из самых популярных произведений Станислава Пшибышевского в Европе, особенно в немецко- и польскоязычной среде. В Германии этот роман вызвал интерес постольку, поскольку нес в себе распространенные в то время декадентские взгляды: настроенность на разрушение, отрицание бога, революция и борьба против установившегося миропорядка при исключительной концентрации на индивидуалистических чувствах.

В России, судя по количеству упоминаний в русскоязычных статьях, посвященных истории польской литературы, а также в рецензиях на творчество Пшибышевского, наиболее популярным среди российской публики был его роман «Homo Sapiens», нежели «Дети Сатаны».

Это было связано с тем, что к моменту первого перевода «Детей Сатаны», то есть к 1906 г., тема индивидуализма, раскрывающегося в антисоциальных действиях героев произведения, была уже не столь злободневной и волнующей для русского общества.

П.П. Перцов в редакционной статье в первом номере журнала «Новый путь, к началу нового, XX века, на смену распространенному с 90-х гг. декадентству «назрела новая форма общественных исканий»⁸⁸. «Эстетика и

⁸⁸ Перцов П. П. [Редакционная статья] // Новый путь. 1903. № 1, янв. С. 5.

философия сделали свое дело: период острого индивидуализма — неизбежная реакция «отцам», — миновал. Субъективная драма также перестала удовлетворять. Чем-то другим, более обобщающим и более требовательным повеяло на воздух. Достоевский и Владимир Соловьев стали читаться внимательнее»⁸⁹. К 1906 г. эти слова еще более точно отражали новые настроения публики.

По мнению Н. Л. Блиц, А. М. Ремизова роман «Дети Сатаны» Станислава Пшибышевского привлек прежде всего «психологическими мотивами одержимости идеей болезненного самобичевания у революционеров»⁹⁰. Кроме того, он прослеживал параллели между судьбами героев романа «Дети Сатаны» и судьбами русских революционеров — И. Каляевым, А. Луначарским, А. Богдановым и Б. Савинковым. «В своих литературных опытах они (русские революционеры) также находились под сильным влиянием Пшибышевского: такое же влечение к безднам человеческого подсознания и описаниям экстатических состояний»⁹¹.

В.Г. Короленко в своей рецензии на роман «*Homo sapiens*» отзывался о творчестве Пшибышевского как о «старом хламе, выдающем себя за новое искусство»⁹². Андрей Немоевский в заметке, опубликованной в первой половине 10-х гг. XX в. в варшавском журнале «*Głos*» («Голос»), пишет, обращаясь прямо к Пшибышевскому: «Ты опоганил все, до чего прикасался»⁹³.

Растущая в 1900–1910-е гг. популярность имени и произведений Пшибышевского не могла обойти периодические издания — как театральные («Театр и Искусство»), так и литературные, новостные («Биржевые ведомости», «Новая жизнь», «Новое время», «Скорпион» и др.).

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Блиц Н. Л. Польская «призма... С.42.

⁹¹ Там же.

⁹² Короленко В. Г. Станислав Пшибышевский — «*Homo sapiens*» // Русское богатство. 1904. № 9. С. 85–91.

⁹³ Яцимирский А. И. Новейшая польская литература... С. 261.

В феврале 1903 г., польская драматургическая труппа Болеславского ставила пьесы Пшибышевского на петербургской сцене, под личным управлением писателя. Постановки были не слишком успешны в художественном плане. Зрители ходили на них в основном только прельстившись гремевшим в то время именем автора. По словам К. И. Храневича, «пьесы новейшего польского писателя Станислава Пшибышевского, о сверхъестественном таланте которого польская пресса успела накричаться до хрипоты»⁹⁴, притягивали к себе зрителя. Его пьесы позже ставились и на провинциальных сценах.

Творчество С. Пшибышевского стороной не обходили и провинциальные литературные издания⁹⁵ и вообще внестоличные любители литературы. Даже «ссылные, бывало, использовали и каналы доставки нелегальной литературы — им скорее хотелось получить новинки С. Пшибышевского или французских символистов»⁹⁶.

Зачитывалась произведениями Пшибышевского и молодежь. Б. Пастернак в набросках автобиографии писал, что в третьем-четвертом классах гимназии он увлекался Пшибышевским⁹⁷. «Я был отравлен новейшей литературой, бредил Андреем Белым, Гамсуном, Пшибышевским»⁹⁸. К тому же у польского модерниста было эссе о Шопене, которого русский поэт очень любил. Но по словам, которые подобрал сам Пастернак («был отравлен», «бредил») можно заключить о юношеской пылкости и нестойкости интереса к создававшемуся образцам литературы. Для Пастернака творчество

⁹⁴ Храневич К. И. Очерки новейшей польской литературы. СПб., 1904. С. 183.

⁹⁵ Масальцева Т. Н. Провинциальные журналисты рубежа XIX – XX вв. О польской литературе: по материалам пермских дореволюционных газет 1890–1916 гг. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2014. № 9. С. 79–88.

⁹⁶ Розанов Ю. В. Литературная жизнь вологодской политической ссылки начала XX века // Вологда: Историко-краеведческий альманах. 1994. Вып. I. С. 220.

⁹⁷ Чернов А. Шапка-невидимка Натальи Крандиевской [Электронный ресурс] // URL: <http://krandievskaya.narod.ru/> (дата обращения: 04.03.2018)

⁹⁸ Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. Биография. М., 1997. С. 321.

Пшибышевского и далее осталось образцом искусства «в состоянии экстаза»⁹⁹.

§ 1. Личность и творчество Пшибышевского глазами русских литературных деятелей конца XIX–начала XX в.

Известный литературный критик начала XX в. А. И. Яцимирский видел в Пшибышевском нечто, в чем ощущалась сила революционности в среде современной ему польской литературы. Это была личность, в которой сконцентрировался весь новорожденный польский модернизм. В своем труде «Новейшая польская литература», вышедшем в 1909–1910 гг., то есть на самом пике популярности Пшибышевского в России, критик подробно затрагивает творчество поляка.

Схожей точки зрения придерживался и К. И. Храневич. «Он ловкий, талантливый хирург, очень умело вскрывает эти «сплошные раны души» и умеет искусно и занимательно демонстрировать их перед зрителем»¹⁰⁰ — пишет он о Пшибышевском.

Для Андрея Белого Пшибышевский был посредственным символистом. Он считал, что индивидуализм и жизнь «нагой души», показать которые стремился польский декадент, Пшибышевский как раз-таки и не сумел раскрыть. Андрей Белый называет все его характеры обезличенными¹⁰¹.

Но при этом он признавал за Пшибышевским вклад, который польский писатель внёс в общеевропейское развитие литературы. В статье «Настоящее и будущее русской литературы» (1907 г.), отзываясь о Л. Андрееве, имя Пшибышевского Андрей Белый упоминает сразу же за именем Эдгара По и в ряду с именем Ницше: «А где Андреев символист, там он — не русский вовсе:

⁹⁹ Пастернак Б. Л. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М., 1990. С. 295.

¹⁰⁰ Храневич К. И. Очерки новейшей польской литературы. СПб., 1904. С. 195.

¹⁰¹ Белый А. Символизм как миропонимание. С. 180.

там звучат в нём ноты Эдгара По, Пшибышевского, дурно усвоенного Ницше, Метерлинка...»¹⁰². При всех негативных критических высказываниях, Андрей Белый отдаёт дань уважения польскому декаденту. «Он (Пшибышевский) — одержимый; и в этом его величие; он — первый среди бесчисленных», — пишет А. Белый¹⁰³.

Обратим внимание на последнюю цитату. Она очень точно предрекает судьбу имени Станислава Пшибышевского не как иначе, чем в забвении, хотя и оставляет за ним роль некоей основы, которая послужит фундаментом для будущего развития исканий писателей модернистского толка.

Солидарным со взглядами Белого был Александр Блок. В своих критических эссе он резко негативно высказывался о творчестве Пшибышевского. В статье «О драме» он пишет: «Последним великим драматургом Европы был Ибсен; вслед за королем северной драмы склоняется к закату творчество Гауптмана, д'Аннунцио, Метерлинка, даже Гофмансталя или Пшибышевского, Шницлера»¹⁰⁴. Как драматурга, который развивает искусство драмы и театр вообще в созидающем направлении, Блок Пшибышевского не воспринимает. Но по его запискам и дневникам можно проследить, что пьесы Пшибышевского ставятся постоянно и повсеместно. Его жена, Любовь Блок, актриса, играла Пшибышевского¹⁰⁵.

Но Блок в своих суждениях остаётся неумолим. «Г-н Денисов хорошо разукрасил смертельно ненужную и скучную пьесу Пшибышевского „Вечная сказка“»¹⁰⁶, — пишет он в эссе, посвященному пьесе Метерлинка «Пеллеас и Мелисандра». То же мнение о «Вечной сказке» Александр Блок высказывает и в статье «Памяти К. В. Бравича». «Ничего в «Вечной сказке» нет интересного»¹⁰⁷.

¹⁰² Там же. С. 348.

¹⁰³ Там же. С. 152.

¹⁰⁴ Блок А. А. О драме // Полн. собр. соч. : В 20 т. Т. 7: Проза (1903–1907). М., 2003. С. 83.

¹⁰⁵ Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 306.

¹⁰⁶ Блок А. А. «Пеллеас и Мелисандра» // Полн. собр. соч. : В 20 т. Т. 7: Проза (1903–1907). С. 105.

¹⁰⁷ Блок А. А. Памяти К. В. Бравича // Полн. собр. соч. : В 20 т. Т. 8: Проза. (1908–1916). М., 2010. С. 152.

Недоволен он и романом «Homo Sapiens». По словам Блока, герой Homo Sapiens Фальк «куда-то зачем-то шествует по женским трупам»¹⁰⁸. Персонаж, задуманный Пшибышевским, по мнению поэта — «нереален, Пшибышевский его не сумел воплотить»¹⁰⁹.

В статье «Литературные итоги 1907 года»¹¹⁰ Блок не прибегает к анализу вышедших в печать произведений Станислава Пшибышевского, а скорее удивляется количеству издательств, которые взялись за публикацию его полного собрания сочинений – целых два («Скорпион» и издательство М. В. Саблина). Эти издательства, к тому же, имели спор о первоочередности права на перевод произведений Пшибышевского¹¹¹.

При всей отрицательной критике, Блок не отвергает важности и обширности вклада Пшибышевского в общеевропейскую культуру. При перечислении он упоминает имя польского модерниста в ряду с Ницше и Метерлинком¹¹². А также, вместе с Мицкевичем, Красиньским и Гошчинским¹¹³, называет их «типичными писателями-мистиками»¹¹⁴. Но при этом в контексте русской культуры поэт не оставляет о Пшибышевском положительного мнения.

Также были и те, кто, по мнению А. Блока подвергался сильному влиянию творчества Станислава Пшибышевского, его «словесным гирляндам»¹¹⁵.

Алексей Ремизов, по мнению Блока, находился под сильнейшим влиянием Пшибышевского. «Так же упорно и по-иному мятежно ищет своего стиля и языка А. М. Ремизов. До сих пор книги его производят громоздкое впечатление, и трудно прочесть их целиком. Это касается особенно большого

¹⁰⁸ Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 128.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Блок А. А. Литературные итоги 1907 года // Полн. собр. соч. В 20 т. Т. 7: Проза (1903–1907). С. 115.

¹¹¹ Шапкина О. И. Деятельность М. Н. Семёнова в издательстве «Скорпион» // Библиография и книговедение. 2015. № 4. С. 87.

¹¹² Блок А. А. Литературные итоги 1907 года // Полн. собр. соч. В 20 т. Т. 7: Проза (1903–1907). С. 319.

¹¹³ Блок А. А. Записные книжки. С. 77.

¹¹⁴ Moskwin A. Stanisław Przybyszewski... S. 76.

¹¹⁵ Блок А. А. Генрих Ибсен // Полн. собр. соч. : В 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). С. 68.

романа «Пруд»... Познакомившемуся с одной только этой вещью, тяжёлой, угарной и мучительной, может показаться, что Ремизов имеет нечто общее с Пшибышевским...»¹¹⁶. Далее следует показательная характеристика Пшибышевского: «...этим недолговечным и пьяным западником, который очень неслабой, очень властной рукой подал знак к падению многим русским утонченникам из новых»¹¹⁷. Но через некоторое время, тот же Блок уже более благосклонен к Ремизову — пишет о его преодолении этого самого тяготения к стилю Пшибышевского¹¹⁸.

Такое влияние вполне ясно для отстаивающего права символической драмы Ремизова¹¹⁹. Он переводил произведения Пшибышевского (трактат «Памяти Шопена», драмы¹²⁰). Занимался он этим вместе с женой Серафимой Довгелло¹²¹, которая сыграла в этом значительную роль и была большим ему помощником в деле перевода с польского¹²².

Кроме Ремизова Блок упоминает Валерия Брюсова, и его произведение «Сёстры». «В “Сёстрах” явно повторена манера Ст. Пшибышевского»¹²³. Это вполне ясно, так как Брюсов был одним из создателей издательства «Скорпион», которое активно публиковало произведения Пшибышевского.

О Пшибышевском как представителе символизма отзывался также литературный критик К. И. Чуковский. Из-под его пера вышло три статьи, где упоминается имя и творчество Пшибышевского. «Пшибышевский о символе» («Весы», № 11, 1904 г.), «„Ради счастья“ — драма Ст. Пшибышевского» («Театральная Россия», №12, 1905 г.) и «Петербургские театры» («Золотое руно», № 2, 1907 г.).

¹¹⁶ Блок А. А. Литературные итоги... С. 120.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 112.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Брюсов В. Переписка с А. М. Ремизовым (1902–1912) // Литературное наследство. Том 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. Кн. 2. М., 1994. С. 163.

¹²¹ Moskwin A. Stanisław Przybyszewski... S. 26-28.

¹²² Там же; Брюсов В. Цит. соч. С. 163.

¹²³ Блок А. А. Литературные итоги 1907 года // Полн. собр. соч. В 20 т. Т. 7: Проза (1903–1907). С. 425.

Пшибышевский был в Одессе в октябре 1904 г. по случаю постановки своих пьес на российской сцене. Там же он читал реферат ¹²⁴ о символизме «Новая драма и символизм». Чуковский написал критический ответ на эту лекцию в «Весах» ¹²⁵. Чуковский полемизировал с Пшибышевским, не соглашаясь с ним, что такое есть символизм, и поднимал вопрос о том, так ли нужна современному обществу «новая драма», выставляющая метания человеческой души напоказ.

В двух других статьях Чуковский обращается непосредственно к творчеству Пшибышевского, к его драме. В «Петербургских театрах» он упоминает постановку «Вечной сказки» как не слишком удачной пьесы и в плане литературного содержания, и непосредственно как постановки. «Пьеса “Вечная Сказка” — это вульгарное переложение уличного Ницше применительно к нравам привычного романтизма». Схожее мнение он высказывает и о драме «Ради счастья» в одноимённой с пьесой вышеназванной статье в «Театральной России».

В журнале «Русское богатство» за 1904 г., по случаю второго переиздания романа «Homo sapiens» В. Г. Короленко оставил рецензию ¹²⁶. Он критикует роман, удивляясь, каким образом тот выдержал в России второе издание. Заявленный символизм и «сверхчеловечность» героев романа Короленко высмеивает. Он замечает, что все выпады против общества ради индивидуальности, идолопоклонничество по отношению к своим низменным животным чувствам, которыми отличается главный герой романа Фальк, выглядят нелепо оттого, что в этих самых выпадах нет ничего новооткрытого. «Для литературы это, конечно, ничто: прошелестит и исчезнет; но все же это не лишено некоторого интереса, как иллюстрация эпидемического извращения литературных вкусов, которое временами охватывает некоторые части мятущегося «культурного» общества» ¹²⁷.

¹²⁴ Moskwin A. Stanisław Przybyszewski... S. 51.

¹²⁵ Чуковский К. И. Пшибышевский о символе // Весы. 1904. № 11. С. 31–37.

¹²⁶ Короленко В. Г. Станислав Пшибышевский — «Homo sapiens» // Русское богатство. 1904. № 9. С. 85–91.

¹²⁷ Там же. С. 91.

Солидарен в критике Пшибышевского был и Бунин. В своём дневнике от 22 октября 1917 г. он записал: «Как гадки Пшибышевский, Альтенберг!»¹²⁸ Правда, отрицательное мнение Бунин имел по многим вещам и событиям. Особенно по отношению к новым, экспериментальным вещам, на которые осознанно шли декаденты¹²⁹. Но при этом русский классик не раз использовал имя Пшибышевского в своих рассказах.

§ 2. Имя Пшибышевского в произведениях И. Бунина как маркер эпохи

Анализ упоминания имени Станислава Пшибышевского в рамках произведений российских литераторов, конкретно Ивана Бунина, представляет интерес для понимания того, чем являлось имя Пшибышевского для общества рубежа XIX — XX вв.

В зависимости от контекста, в которое помещено упоминание того или иного лица, раскрывается определённая характеристика его носителя как личности и как исторической и культурной фигуры, образ которой сформировался в обществе. Представление, бытовавшее в головах людей в определённый момент времени, естественно отражается в том, каким образом и в каком контексте употребляет литератор упоминание той или иной личности.

Имя модного на время создания рассказов польского модерниста упоминается Иваном Буниным в его рассказах дважды.

Первый рассказ — «Генрих», входящий в сборник «Тёмные аллеи». Стоит привести необходимый отрывок, где Бунин употребляет интересующее нас имя.

«— А где ты был вчера вечером?»

¹²⁸ Бунин И. А. Дневники // Собр. соч. : В 6 т. Т. 6: Освобождение Толстого; О Чехове; Воспоминания; Дневники; Статьи. М., 1988. С. 394.

¹²⁹ Moskwin A. Stanisław Przybyszewski...S. 120.

— Вечером? Дома.

— А с кем? Ну да Бог с тобой. А ночью тебя видели в "Стрельне", ты был в какой-то большой компании в отдельном кабинете, с цыганами. Вот это уже дурной тон - Степы, Груши, их роковые очи...

— А венские пропойцы, вроде Пшибышевского?

— Они, мой друг, случайность и совсем не по моей части.»

Бунин писал это в эмиграции, в ноябре 1940 г., но действие происходит в России дореволюционного времени. Ясно, что автор стремился отразить реалии описываемых им лет. К моменту написания этого рассказа Пшибышевский уже умер в бесславии.

Генрих, главная героиня рассказа — известная журналистка. Подразумевается, что она свободно вхожа в круг литературной и культурной элиты своего времени. Это понимание приходит к читателю, знающему культурный контекст эпохи, при упоминании Пшибышевского как одного из «венских пропойцев». Пшибышевский принадлежал и к венской богеме.

Из этого мимолётного упоминания можно вывести следующие утверждения. Бунин, во-первых, не называя дат, указывает время, когда происходит действия. Время расцвета европейско-русской популярности Пшибышевского — 1900–1910-е гг.

Во-вторых, писатель даёт Пшибышевскому нелестную характеристику, помещая его имя именно в такой диалог: о людях, ведущих нескромный образ жизни. Напрашивается вывод о том, что слава падкости на алкоголь и распутства, присущая польскому модернисту, была широко распространена и в России. В-третьих, кроме выраженного злоупотребления алкоголем, Пшибышевский предстаёт перед нами как сладострастец, который имел связи со множеством девушек, и главный герой намекает на возможность близкой связи между Пшибышевским и главной героиней.

Таким образом, употребляя имя Пшибышевского в рассказе «Генрих», Иван Бунин достигает следующих целей:

1) Конкретизация времени, в рамках которого происходят события;

- 2) Раскрытие особенностей характера и поведения заглавной героини;
- 3) Отрисовка портрета Станислава Пшибышевского, уже сформировавшегося в обществе к моменту написания рассказа — как не знающего меры пропойца и женолюбца, члена немецкой богемы.

Второе упоминание имени Станислава Пшибышевского находим в более позднем произведении Ивана Бунина — «Чистый понедельник», тоже входящий в сборник «Тёмные аллеи». Написано оно было в мае 1944 г., также в эмиграции.

Приведём цитату:

«Я привозил ей коробки шоколаду, новые книги — Гофмансталя, Шницлера, Тетмайера, Пшибышевского, — и получал все то же «спасибо» и протянутую теплую руку, иногда приказание сесть возле дивана, не снимая пальто».

Пшибышевский, поставленный в ряды других писателей-декадентов и модернистов, переживавших расцвет популярности, таким образом может справедливо относиться к современным и актуальным деятелям литературы своего времени.

Указывая возможный круг чтения главных героев, а в особенности героини, именно таковыми, автор обращает внимание на ее интерес к современной, неоднозначной и спорной, но актуальной литературе.

Помещая имя Пшибышевского в ряды предлагаемой для чтения литературы в рассказе «Чистый понедельник», И. Бунин раскрывает личность главной героини. Упоминание польского модерниста дает читателю понимания того, что она не оторгнута от современных ей противоречивых и даже скандальных образчиков культуры. Интерес к ним (искренний или надуманный, неважно) является показателем «продвинутости» героини.

В то же время для того, чтобы стало возможным использовать имя Пшибышевского в подобном контексте, его книги должны были уже цениться как остромодные новинки европейских литературных течений.

Если Иван Бунин счёл возможным и, вероятно, необходимым упомянуть имя польского модерниста в своих рассказах, то допустимо утверждать, что Пшибышевский в расцвет своей известности в Российской империи мог считаться неким определителем «модного», «продвинутого» человека. И обратный вывод: если Пшибышевский удостоен упоминания в рассказах как маркер эпохи, его имя и личность действительно имели большой вес в культурных кругах Европы, а в её числе и России.

Заключение

Благодаря проделанной работе поставленная цель исследования была достигнута. Стало возможным высказать точку зрения о том, что представляет собой значение и место личности и творчества Пшибышевского в рамках русской культуры рубежа XIX — XX вв.

Рассмотрев точки зрения исследователей, обращавшихся к рассмотрению влияния Ст. Пшибышевского на русскую культуру, можно выявить три основных взгляда, а именно: Пшибышевский — транслятор модернистского искусства из Европы в Россию; Пшибышевский — пример литературного деятеля, содержание творчества которого совпало с внутренним развитием собственных философских исканий русской интеллигенции, а потому и оказавшееся востребованным; и третья точка зрения, объединившая предыдущие.

Историографический обзор позволил понять, что количество и качество литературы, особенно на русском языке, посвященных рассматриваемой нами проблеме, недостаточны, чтобы считать ее хорошо проработанной. Трудов, где личность и творчество Пшибышевского изучается в рамках русской культуры очень мало. В основном исследователи касаются этой темы опосредованно, в связи со сторонними задачами. Многие аспекты еще ждут своих исследователей. Кроме того, в России литературное наследие Пшибышевского в настоящее время, за исключением двух изданий, не переиздавалось.

Для выяснения, в каких условиях формировалась личность Станислава Пшибышевского, необходимо было прибегнуть к рассмотрению его биографии. Были выявлены возможные предпосылки формирования его как литературного деятеля, имеющего значение для всей Европы.

Особенно важно отметить то, что польский модернист был, как ни странно, не только польским. Его жизнь была тесно связана не только с

западноевропейской культурой, но и пересекалась с Россией – в поездках для постановки пьес. Он был активным участником берлинско-норвежского интеллектуального круга рубежа веков, писал большинство своих произведений изначально на немецком языке и лишь под конец жизни осел в воссозданной после Первой мировой войны Польше.

В ходе анализа новеллы Пшибышевского «Заупокойная месса», были выяснены основные философские концепции, лежавшие в творчестве польского модерниста. «Заупокойная месса» была первой серьезной художественной работой Пшибышевского. Можно утверждать, что уже в ней были заложены все основные особенности творчества польского модерниста. Смерть Бога, понятие «сверхчеловека», взятые у Ницше, крайний индивидуализм и смешение желаний плоти с желаниями духа, разрушение ради разрушения— все эти концепции находят отклик и в дальнейших работах Пшибышевского. Польский декадент называет это «искусством ради искусства», искусством «нагой души». Пшибышевский выставляет переживания своих героев как норму, как итог развития человеческого существования, как продукт «fin de siècle».

Чтобы определить связи, место и значение творчества Пшибышевского в рамках русской культуры конца XIX — начала XX вв., было необходимо обратиться непосредственно к его творчеству в двух различных аспектах — влияния русской культуры на Пшибышевского и Пшибышевского на русскую культуру.

Для того, чтобы изучить и проиллюстрировать первый аспект, было необходимо прибегнуть к рассмотрению произведения Пшибышевского «Дети Сатаны». Этот роман представляет собой яркое отражение изменений взглядов в европейском обществе, его запросов, авторитетов и приоритетов. Трансформирование героев «Бесов» Ф. М. Достоевского под пером Пшибышевского происходит в соответствии как со временем (отчаянность людей «fin de siècle»), так и с пространством (усиленное влияние ницшеанства, зародившееся в германских землях).

Обращаясь к рассмотрению того, как влияло творчество Пшибышевского на русскую культуру указанного периода, были рассмотрены отклики творческой интеллигенции на литературную деятельность польского модерниста, а также пример, каким образом в рамках художественных произведений интерпретировалось имя польского модерниста.

Личностная характеристика, упоминания и мнения о личности позволяют определить место польского писателя в культурном контексте эпохи страны.

По мере ознакомления с материалами критических очерков, статей, воспоминаний и др., и их анализа становится ясно, что произведения Пшибышевского, а также его мировоззрение и новый взгляд на искусство не вполне удовлетворяли вкусам и понятиям российских деятелей культуры и подвергались критике. Несмотря на то, что модернизм польского декадента чутко воспринимался русской литературной элитой, им восхищались и ему стремились следовать, все это происходило не в форме слепого заимствования. Осознание творчества Пшибышевского в русской среде проходило критически, над ним рассуждали и интерпретировали в итоге по-своему.

В отличие от большинства стран Западной Европы, формирование «модерна» в России не сопровождалось развернутыми социально-историческими и эстетическими обоснованиями «нового стиля». В России эти течения возникли под воздействием философско-мировоззренческого метания эпохи. Все грани были представлены в нем: и «русская идея», и «новое религиозное сознание». «Различные художественные функции и практические задачи не были полностью отграничены друг от друга»¹³⁰. Вероятно, указанные различия и являются причиной не полного принятия творчества Пшибышевского русской культурой.

¹³⁰ Стернин Г. Ю. Русское искусство последних десятилетий XIX в.: взгляд из XXI в. // Вестник ВятГУ. 2009. № 2. С. 70–71.

Тем не менее, исходя из рассматриваемых источников, русские литераторы не вычеркивали Пшибышевского из анналов истории литературы. Каждый признавал за ним некоторую веху в развитии общеевропейской культуры и отдавали должное как личности, которая дала толчок распространению и развитию модернизма в искусстве.

Одновременно с этим произведения Пшибышевского пользовались большим спросом у образованного общества, как в столицах, так и в провинциях. Пьесы имели успех и ставились не только на главных сценах. Польский модернист творил в рамках нового модного на рубеже веков течения, поэтому он представлял большой интерес у публики, которая находила в нем скорее не литературного гения, а представителя вызывающего западного современного искусства.

Упоминание имени Пшибышевского в контексте литературного произведения могло использоваться в качестве красноречивого маркера эпохи конца XIX–начала XX вв. В двух рассказах из сборника «Темные аллеи» И. Бунин прибегает именно к такому способу для раскрытия характера персонажей, а также для придания конкретности и колорита описываемой в рассказе эпохе. При этом справедлив и обратный вывод: если имя Пшибышевского могло использоваться его современником в вышеназванном ключе, то само это имя для читателя того времени несло за собой определенный, общепонимаемый смысл, а значит и имело прямую связь с русской культурой того времени.

Несмотря на то, что уже в 20-х гг. XX в. имя Пшибышевского начало забываться, его личность и творчество для русской культуры являлось транслятором западноевропейского нового литературного течения и отвечало, пусть и частично, внутреннему историческому развитию.

Список использованной литературы

Источники

- 1) Белый А. Символизм как миропонимание. М. : Республика, 1994. 525 с.
- 2) Бердяев Н. А. Русская идея. М. : АСТ, 2007. 288 с.
- 3) Блок А. А. Генрих Ибсен // Полн. собр. соч. : В 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). С. 64–69.
- 4) Блок А. А. «Пеллеас и Мелизандра» // Полн. собр. соч. : В 20 т. Т. 7: Проза (1903–1907). М. : Наука, 2003. С. 103–107.
- 5) Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М. : Худ. лит., 1965. 657 с.
- 6) Блок А. А. Литературные итоги 1907 года // Полн. собр. соч. : В 20 т. Т. 8. Проза (1908–1916). М., 2010. С. 110–126.
- 7) Блок А. А. О драме // Полн. собр. соч. : В 20 т. Т. 7: Проза (1903–1907). М. : Наука, 2003. С. 83–100.
- 8) Блок А. А. Памяти К. В. Бравича // Полн. собр. соч. : В 20 т. Т. 8. Проза (1908–1916). М. : Наука, 2010. С. 151–153.
- 9) Брюсов В. Переписка с А. М. Ремизовым (1902–1912) // Литературное наследство. Том 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. Кн. 2. М. : Наука, 1994. С. 137–222.
- 10) Бунин И. А. Генрих // Собр. соч. : В 6 т. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи; Рассказы 1932–1952. М. : Худ. лит., 1988. С. 359–370.
- 11) Бунин И. А. Дневники // Собр. соч. : В 6 т. Т. 6: Освобождение Толстого; О Чехове; Воспоминания; Дневники; Статьи. М. : Худ. лит., 1988. С. 309–542.
- 12) Бунин И. А. Чистый понедельник // Собр. соч. : В 6 т. Т. 5: Жизнь Арсеньева. Темные аллеи; Рассказы 1932–1952. М. : Худ. лит., 1988. С. 460–471.
- 13) Маяковский В. В. Поверх Варшавы // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. : В 13 т. М. : Худ. лит., 1955–1961. Т. 8: 1927. М., 1958. С. 347–357.

- 14) Пшибышевский С. Вечная сказка / Единств. разреш. авт. пер. Е. Троповского. М. : Скорпион, 1907. 121 с.
- 15) Пшибышевский С. Дети Сатаны: Роман в 4 ч. / Единственный разрешенный автором пер. Е. Троповского; Станислав Пшибышевский. М. : Скорпион, 1906. 224 с.
- 16) Пшибышевский С. Заупокойная месса. М. : Аграф, 2002. 352 с.
- 17) Пшибышевский С. Синагога сатаны // Демонология эпохи Возрождения (XVI—XVII вв.). М. : РОССПЭН, 1996. С. 243–316.
- 18) Пшибышевский Ст. De profundis. Дети сатаны / Пер. В. Высоцкого // Полн. собр. соч. : В 8 т. Т. 6. М. : В. М. Саблин, 1909. 322 с.
- 19) Przybyszewski S. Moi współcześni: wśród obcych. Warszawa : Instytut Wydawniczy Biblioteka Polska, 1926. 295 s.

Справочная литература

- 20) Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены : учебное пособие. М. : Флинта, 2015. 118 с.
- 21) Висляк Я., Малецкий А. Польская литература // Литературная энциклопедия : В 11 т. 1929–1939. Т. 9. М. : ОГИЗ РСФСР, 1935. СПб. Ст. 71–119.

Иностранная литература

- 22) Agarkina T. Rosyjskie kontakty Stanisława Przybyszewskiego // Stanisław Przybyszewski w 50-lecie zgonu pisarza / Pod red. Filipkowska H. Wrocław, 1982. S. 163–212.
- 23) Cybienko H. Dyskusje o twórczości Stanisława Przybyszewskiego w Rosji // Słowianie w świecie antynorm Stanisława Przybyszewskiego / Pod red. Janaszek-Ivaničková H., Madany E. Wrocław, 1981. S. 121–144.
- 24) Czaykowski B. Poetic theories in Poland: Przesmycki and Przybyszewski // The Polish Review. 1996. Vol. 11, № 3. P. 45–55.

- 25) Ettinger, P. Przbyszewski w literaturze rosyjskiej // Wiadomości Literackie. 1926. № 21. S. 3.
- 26) Henderson R. Chopin and the Expressionists // Music & Letters. 1960. Vol. 41, № 1. P. 38–45.
- 27) Hutnikiewicz A. Młoda Polska. Warsaw : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1994. 483 c.
- 28) Johnson M. On the paths of the soul: Stanisław Przybyszewski and the Russian stage. The cases of Vera Komissarzhevskaja and Vsevolod Meierkhol'd (1900–1910) : Ph.D. dissertation. University of Kansas, 2008. 622 p.
- 29) Krzyżanowski J. Stanisław Przybyszewski // The Slavonic Review. Vol. 6, № 17. 1927. P. 420–422.
- 30) Merrill, J. “Revealed” sources and hidden intertextual dialog in Sologub's *Pobeda smerti* // Russian Literature. 2006. Vol. 59, Issue 1, 1 Jan., 2006. P. 113–134.
- 31) Moskwin A. Stanisław Przybyszewski w kulturze rosyjskiej końca XIX — początku XX wieku. Warszawa : Wydaw. Uniw. warszawskiego, 2007. 251 s.
- 32) Moskwin A. Stanisław Przybyszewski w kulturze rosyjskiej końca XIX — początku XX wieku. Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. 256 s.
- 33) Szwece I. The Works of Stanislaw Przybyszewski and Their Reception in Russia at the Beginning of the XX Century : Phil. Diss. Stanford University, 1984.

Литература

- 34) Короленко В. Г. Станислав Пшебышевский — «Homo sapiens» // Русское богатство. 1904. № 9. С. 85–91.
- 35) Чуковский К. И. Пшебышевский о символе // Весы. 1904. № 11. С. 31–37.
- 36) Александровна К. Н. Графика Эдварда Мунка в контексте европейской литературы рубежа XIX — XX вв. // Вестник славянских культур. 2015. № 1 (35). С. 191–202.

- 37) Перцов П. П. [Редакционная статья] // Новый путь. 1903. № 1, янв. С. 3–5.
- 38) Аничков Е. В. Литературные образы и мнения, 1903 г. СПб. : Типография Пороховщиковой, 1904. 187 с.
- 39) Астащенко Е. В. Проза С. Пшибышевского в архитектонике последнего романа М. Булгакова // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 6 (50). С. 181–198.
- 40) Баранов А. И. Ф. Достоевский и польская литература до 1918 г. : дис. ... д-р. фил. наук: 10.01.03. М., 2001.
- 41) Блищ Н. Л. Ф. М. Достоевский в творчестве А. М. Ремизова: от подражания к пародированию // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. С. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2010. № 3. С. 7–10.
- 42) Блищ Н. Л. Польская «призма» в автобиографических рефлексиях А.М. Ремизова // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай. Матэрыялы X міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 2011. С. 41–74.
- 43) Галацкая В. Музыкальная литература зарубежных стран. Вып. 3. М. : Музыка, 1974. 560 с.
- 44) Горак Ю. «Дети Сатаны» Пшибышевского и Достоевский // О Достоевском. / Сб. ст. Под ред. А. Л. Бема. Paris, 1986. С. 219–226.
- 45) Избранные переводы из Ницше профессора А. В. Перцева. СПб. : Владимир Даль, 2014. 240 с.
- 46) Кубе О. Кошмары жизни (критически-психологический очерк о Л. Андрееве, Пшебышевском и др. современных писателях). СПб. : Тип. А. С. Суворова, 1909. 76 с.
- 47) Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. 268 с.
- 48) Лебеднова Д. А. «Młoda Polska»: художественная культура Польши рубежа XIX-XX веков // Вестник РХГА, 2013. №4. С. 75–82.
- 49) Масальцева Т. Н. Провинциальные журналисты рубежа XIX – XX вв. О польской литературе: по материалам пермских дореволюционных газет 1890–

- 1916 гг. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2014. № 9. С. 79–88.
- 50) Ольчак-Роникер И. В саду памяти. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 267 с.
- 51) Паньков Е. А. Деформация художественного мира в романе Станислава Пшибышевского «Дети сатаны» // Вестник БарГУ. 2013. Вып. 1. С. 129–133.
- 52) Паньков Е. А. Ницета мира в романе «Дети Сатаны» С. Пшибышевского // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności : матэрыялы XX міжнар. навук. канф., Гродна, 23-24 кастр. 2014 г. / Рэд. кал.: Я. Панькоў, В. А. Апановіч, Д. С. Томчык, В. Панькова и др. Мінск, 2015. С.139–143.
- 53) Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. Биография. М. : Цитадель, 1997. 728 с.
- 54) Пастернак Б. Л. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М. : Искусство, 1990. 399 с.
- 55) Польское искусство и литература: от символизма к авангарду. СПб. : Алетейя, 2008. 352 с.
- 56) Розанов Ю. В. Литературная жизнь вологодской политической ссылки начала XX века // Вологда: Историко-краеведческий альманах. 1994. Вып. I. С. 215–225.
- 57) Свистунович Д. С. Теория «нагой души» С. Пшибышевского. От натурализма к символизму // Научное мнение. СПб. : 2014. № 6. С. 119–124.
- 58) Сетько О. Образы поляков в книге А. М. Ремизова «Иверень» // Летняя школа по русской литературе, 2015. Т. 11. № 3. С. 292–302.
- 59) Синеокая Ю. Три образа Ницше в русской культуре. М. : ИФРАН, 2008. 195 с.
- 60) Сперанская Н. Дионис преследуемый. М.: Культурная революция, 2014. 536 с.
- 61) Стернин Г. Ю. Русское искусство последних десятилетий XIX в.: взгляд из XXI в // Вестник ВятГУ. 2009. № 2. С. 64–72.
- 62) Таннер М. Ницше. М. : Астрель, 2010. 160 с.

- 63) Цыбенко Е З. Станислав Пшибышевский и русская модернистская проза // *Studia polonica*. К 60-летию В. А. Хорева. М., 1992. С. 217–228.
- 64) Шапкина О. И. Деятельность М. Н. Семёнова в издательстве «Скорпион» // *Библиография и книговедение*. 2015. № 4. С. 84–90.
- 65) История польской литературы : в 2-х т. Т. 2. 1890–1944 гг. / ред. В. В. Витт. М. : Наука, 1969. 502 с.
- 66) Оболевич В. Б. История польской литературы. Л. : Изд-во ЛГУ, 1960. 364 с.
- 67) Русская и польская литература конца XIX – начала XX в. / Под ред. Е. З. Цыбенко, А. Г. Соколова. М. : Изд-во МГУ, 1981. 272 с.
- 68) Толмачёв В. М. Зарубежная литература конца XIX — начала XX века. М. : Academia, 2003. 496 с.
- 69) Хорев В.А. Польская литература XX века. 1890–1990. М. : Индрик, 2009. 352 с.
- 70) Храневич К. И. Очерки новейшей польской литературы. СПб. : Товарищество Литература и Наука, 1904. 209 с.
- 71) Яцимирский А.И. Новейшая польская литература от восстания 1863 г. до наших дней: в 2 т. СПб. : О. Н. Поповой, 1908. 320 с.

Электронные ресурсы

- 72) Чернов А. Шапка-невидимка Натальи Крандиевской [Электронный ресурс] // URL: <http://krandievskaya.narod.ru/> (дата обращения: 04.03.2018)
- 73) Stanislaw Przybyszewski [Электронный ресурс] // URL: <http://stachu-przybyszewski.pl/>
- 74) Przybyszewski S. Confiteor [Электронный ресурс] // Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/confiteor.pdf>